

★ Предотвращение! Спасение! Помощь! ★

СПАСАТЕЛЬ

Андрей
Воронин

ЖДИ МЕНЯ
И Я ВЕРНУСЬ

Спасатель

Андрей Воронин

Спасатель. Жди меня, и я вернусь

«ХАРВЕСТ»

2012

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

Воронин А. Н.

Спасатель. Жди меня, и я вернусь / А. Н. Воронин —
«ХАРВЕСТ», 2012 — (Спасатель)

ISBN 978-985-18-3864-2

Свободный журналист Андрей Липский (свои статьи он подписывал псевдонимом Спасатель) в своем блоге со ссылкой на обнаруженные им документы высказывает предположение, что пресловутое золото партии, возможно, не является мифом и, более того, до сих пор может находиться где-то на территории бывшего СССР. После этого он подвергается нападению неизвестных, которые, избивая его, поминают это самое золото и настоятельно рекомендуют ему не совать нос в дела, которые его не касаются. Неожиданно Липскому предлагают принять участие в экспедиции, организованной с целью поиска золота партии. Вместе с журналистом в экспедицию отправляется его юный друг — очень любознательный и очень смысленный пятнадцатилетний подросток...

УДК 882(476)
ББК 84(4Бей-Рус)

ISBN 978-985-18-3864-2

© Воронин А. Н., 2012
© ХАРВЕСТ, 2012

Содержание

Часть I. Москва – «Старый бор»	6
Глава I. Шмяк и золотые протезы	6
1	6
2	8
3	10
4	12
5	14
6	17
Глава II. Пожилая дама и господин с тросточкой	22
1	22
2	25
3	28
4	30
5	32
6	35
Глава III. Конец света	40
1	40
2	42
3	44
4	46
5	48
6	50
Глава IV. Конверт Шмяка	53
1	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Андрей Воронин
Спасатель. Жди меня, и я вернусь

© Подготовка и оформление Харвест, 2012

Часть I. Москва – «Старый бор»

Глава I. Шмяк и золотые протезы

1

Денек выдался ясный, солнечный и, как водится в эту пору года в средней полосе России, морозный. Всю ночь шел снег; к утру его навалило мало не по колено, и теперь исчерченные голубоватыми тенями округлые снеговые горбы весело искрились миллионами ярких слюдяных блесток. Деревья дремали под низко надвинутыми снеговыми шапками, еловый лес за забором походил на иллюстрацию из книжки детских сказок; все вокруг было яркое, бело-голубое с золотом, искристое, и хотелось, как в детстве, с разбега нырнуть в пушистый, рассыпчатый снег. Дыхание вырывалось изо рта облачками пара, который оседал на воротнике игольчатым инеем, снег скрипел и визжал под ногами. Заиндевелые кроны старых берез на территории напоминали пушистое кружево. С одной из них взлетела стайка снегирей, и сбитый с потревоженных ветвей иней долго сеялся на землю дождем невесомых золотых искр.

Засунув руки в карманы, втянув голову в плечи, весь скукожившись, Женька Соколкин торопливо, почти бегом, шел по расчищенной дорожке, что вела от флигеля, где жила обслуга, к главному корпусу пансионата. Неподалеку шаркала фанерная лопата – охранник Николай, одетый в теплый камуфляжный бушлат с цигейковым воротником, заправленные в валенки ватные штаны и армейскую ушанку, чистил подъездную дорожку. Заметив Женьку, он приветливо помахал рукой в трехпалой солдатской рукавице, и Женька махнул ему в ответ веником, который нес под мышкой. Николай – нормальный дядька, веселый и разговорчивый, и в другое время Женька непременно остановился бы, чтобы немного поболтать с ним и, быть может, выслушать еще одну историю про то, как оно было в Чечне и Кодорском ущелье. Но сейчас ему было не до разговоров: мороз на улице стоял нешуточный, а Женькина куртка, мало того, что легкая не по сезону, вдобавок была ему коротковата.

Пансионат разместился в красивом двухэтажном особнячке – не то старинном, отремонтированном на современный лад, не то, наоборот, современном, но выстроенном под старину. Как оно есть на самом деле, Женька не знал, но подозревал, что особнячок все-таки старинный, – уж очень толстые, не теперешние, тут были стены. У парадного крыльца с колоннами стояли машины – залепленный мерзлой дорожной грязью, здоровенный, как железнодорожный вагон, «шевроле» главврача Семена Тихоновича и превратившийся за ночь в пологий сугроб спортивный «ниссан» дежурного доктора Васильева. Не теряя времени, Женька, как шпагу из ножен, выдернул из-под мышки веник и принялся орудовать им, сметая с «ниссана» снег. Снегопад начался уже после того, как машина остыла, и это было хорошо: снег не успел подтаять и примерзнуть и сметался легко, так что каждый взмах веника открывал не серую бугристую наледь, а гладкое стекло и металл. Греясь работой, Женька по ходу дела вспомнил высказывание какого-то знаменитого скульптора – какого именно, он, конечно, не ответил бы даже под страхом смертной казни, – который утверждал, что, собираясь создать очередной шедевр, просто берет кусок мрамора и отсекает все лишнее. Чем-то в этом роде сейчас занимался и Женька Соколкин, превращая бесформенный сугроб в крутую японскую тачку, сошедшую с конвейера всего полтора года назад и купленную молодым доктором Васильевым в дорогом столичном автосалоне.

Разумеется, очистка от снега докторских машин не входила в его обязанности – так же, как их мойка и множество иных мелких дел и поручений, которые Женька выполнял по пер-

вому слову, а иногда, как сейчас, и без слов, по собственной инициативе. Какие в наше законопослушное время могут быть обязанности у пятнадцатилетнего пацана, особенно здесь, в этой фешенебельной загородной гостинице для богатеньких психов? Но, когда живешь на птичьих правах, из милости, волей-неволей приходится прогибаться, стараться стать полезным и при этом не слишком мозолить окружающим глаза. Какие уж тут проблемы переходного возраста!

Год назад у Женьки умер отец. Он болел тяжело и долго. Не шибко большие сбережения семьи Соколкиных растаяли, как снег под лучами мартовского солнца, уже в первые полгода болезни. Мать, в ту пору работавшая начальником отдела в одной частной фирме, взяла кредит. Потом грянул кризис, фирма разорилась, мать потеряла работу, а вместе с ней и возможность расплатиться с банком. Деньги кончились, отец умер, а на другой день после похорон в дверь позвонили судебные исполнители. Какое-то время Женька с матерью ночевали по знакомым, а потом ей подвернулась эта работа, и они перебрались сюда, наконец-то обретя более или менее постоянную крышу над головой. Такова в самых общих чертах была нехитрая история раннего взросления Женьки Соколкина, по ходу которой ученик престижной спецшколы, трехкратный победитель городских олимпиад по информатике из гордости семьи и классного руководителя превратился в сына уборщицы, живущей в тесной комнатухе при загородном пансионате, – долговязого, нескладного, выросшего из одежды подростка, радующегося любой возможности подзаработать. История эта была плотно насыщена драматическими событиями – беда скучной не бывает, и только человеку, пребывающему в полосе стабильного благополучия, оказывается нечего рассказать о себе случайно встреченному другу детства, – но Женька не видел в ней ничего примечательного, чем ему захотелось бы поделиться со сверстниками.

Да и что это за сверстники! Теперь Женька ходил в школу в соседнем поселке – пять километров туда, пять обратно, шесть – восемь часов в компании полновесных дебилов, с которыми не о чем поговорить, кроме пива, секса и скачанных из Интернета роликов, которые сняли и выложили туда точно такие же отморозки. К тому же новый коллектив встретил его достаточно прохладно – уж очень непрезентабельно он нынче выглядел. Девчонки воротили носы от одетого в обноски тощего жердяя, который и в лучшие времена не считал себя красавцем, а парни вели себя как бродячие псы, все время норовя сбиться в стаю и порвать чужака на ленточки. И порвали бы непременно, если бы до того, как всерьез увлечься программированием, Женька не посвятил два года своей молодой жизни занятиям боксом и еще три – дзюдо. А, да ну их всех в болото! Нашел о ком думать. Радоваться надо, что сейчас каникулы и до возвращения в этот зверинец, таким образом, остается еще почти неделя...

Он смел остатки снега с заднего бампера, без особой необходимости прошелся веником по обутым в низкопрофильную шипованную резину колесам и отряхнул припорошенную ледяными кристалликами одежду. Спортивный «ниссан» доктора Васильева стоял перед ним во всей своей сверкающей красе – золотистый, приземистый, обтекаемый, с раскосыми хрустальными фарами, хищно, как зверь перед прыжком, прильнувший к земле. Смотреть на него было приятно, и еще приятнее было осознавать, что утро, едва успев начаться, принесло верный заработок. За приведение своей машины в божеский вид Васильев всегда расплачивался сторублевой купюрой – многовато за такую пустяковую работу, но док был нежадный, да и зарабатывал прилично.

Поставив веник в уголок за крыльцом, чтобы прихватить его на обратном пути, Женька Соколкин быстренько выработал план дальнейших действий. Сначала он найдет свою драгоценную родительницу и поинтересуется, не нужна ли ей мужская помощь. Родительница, естественно, станет отказываться, так что фронт работ, как обычно, придется определить самостоятельно, по обстановке. Потом можно сгонять на кухню, вынести помой и, как водится, получить от поварахи тети Тани что-нибудь вкусненькое – желателен кусок жареного мяса, но на худой конец сойдет и пирожок, и тарелка украинского борща, который удастся ей так, что язык проглотишь. Это для начала, а дальше будет видно, что к чему.

Он совсем уже было собрался приступить к осуществлению этого нехитрого плана, когда его внимание привлек глухой стук в оконное стекло. Задрав голову, он без труда обнаружил источник этого звука: за одним из окон второго этажа, сдвинув в сторону матерчатые планки вертикальных жалюзи, маячил, призывно маша рукой, главный врач пансионата Семен Тихонович Варламов. («Вон он, змей, в окне маячит, за спиною штепсель прячет», – немедленно всплыла в памяти весьма подходящая к случаю строчка из песни.) Сие, по идее, означало, что у Семена Тихоновича к Женьке имеется какое-то дело, – Женька даже догадывался, какое именно, потому что успел неплохо изучить здешние порядки (и беспорядки тоже). Кивнув в знак того, что призыв о помощи не остался незамеченным, он занес ногу на ступеньку, а потом, будто подстрекаемый каким-то мелким, но злокозненным бесом, не опуская головы, перевел взгляд на третье от угла окно второго этажа. Знал, что смотреть туда не надо, но все равно посмотрел, движимый примерно теми же мотивами, что и человек, постоянно шупающий кончиком языка дырку в зубе.

И, как и следовало ожидать, встретился взглядом со Шмяком, который, по обыкновению, торчал в окошке, нахохлившись, как старый филин, и обозревал окрестности – или, как он сам выражался, «вел наблюдение». Женька отвел глаза и опустил голову раньше, чем Шмяк успел поманить его своим толстым, как сарделька, пальцем, но это, увы, ничего не меняло. «Опять пристанет как банный лист», – с неудовольствием подумал Женька Соколкин и стал подниматься на крыльцо, сильно топая, чтобы сбить налипший на поношенные летние кроссовки снег.

2

Констатировав легкое сотрясение мозга и легкомысленно заверив, что оно, как и все прочее, до свадьбы непременно заживет, врач удалился, наказав одной из сопровождавших его сестер заполнить историю болезни, коль скоро пациент пришел в сознание и может, наконец, сообщить, кто он такой.

К некоторому разочарованию Андрея, на краешек его кровати присела не та из сестер, что была помоложе и посимпатичнее, а та, что постарше, лицом и в особенности фигурой сильно напоминая одетую в несвежий белый халат каменную скифскую бабу. Материал, пошедший на изготовление этой монументальной женщины, плотностью мало уступал камню – такое, по крайней мере, у Андрея сложилось впечатление, когда железная рама кровати жалобно застонала под ее весом. Пахло от этой феи не духами, а дезинфекцией пополам с табачным дымом, уловив запах которого Андрей немедленно со страшной силой захотел курить. На смену этому неразумному, с какой стороны ни глянь, желанию пришел могучий приступ тошноты, накотивший, как мутная приливная волна. Андрея бросило в жар, голова у него закружилась, а в ушах зазвенело так, что он не расслышал вопрос медсестры.

– Фамилия? – с оттенком нетерпения переспросила та.

– Липский, – поборов слабость, ответил он, – Андрей Юрьевич.

Вместо «Липский» у него получилось что-то вроде «Лифши» – распухшие, рассеченные губы вкупе с отсутствием двух передних зубов отнюдь не способствовали улучшению дикции. Он провел кончиком языка по десне и нащупал торчащие из нее обломки, показавшиеся острыми, как бритвенные лезвия. Вспомнилось, как, стоя на четвереньках, сплюнул на снег тягучую красную слюну с двумя твердыми угловатыми комочками и услышал, как один из двоих нападавших с издевкой сказал откуда-то из наполненной болью и предчувствием близкой кончины морозной тьмы: «Зубы – ерунда, дело наживное. Оклемаешься – протезы вставишь». «Золотые, – подсказал второй. – Из золота, сука, партии».

Еще раз пощупав языком пеньки сломанных зубов, он со второй попытки совладал со своим речевым аппаратом и сумел разборчиво произнести собственную фамилию. Под его диктовку медсестра записала год рождения и адрес.

– Профессия? – спросила она.

– Блогер, – ответил Липский.

– Как?

– Свободный журналист, – перевел он.

«Свобода, – немедленно вспомнилось ему, – не только дает право самостоятельно принимать решения, но и возлагает на человека всю полноту ответственности за их последствия. Запомни это хорошенько, козел!» Правильность построения фразы и непринужденная легкость, с которой она была произнесена, предполагали определенный уровень интеллигентности или, как минимум, начитанности собеседника. Что, увы, не помешало ему, договорив, нанести свободному журналисту Липскому слепящий, сокрушительный удар в лицо – тот самый, после которого Андрей распрощался сразу с двумя передними зубами. Судя по разрушениям, которые повлек этот удар, нападавший воспользовался кастетом. Второй работал резиновой дубинкой, каковой предмет, будучи умело и с изрядной силой приложенным к затылку Андрея, едва не превратил главный рабочий инструмент свободного журналиста Липского в яичницу-болтуню.

– Место работы у вас есть? – спросила медсестра, и Андрей без труда уловил в ее голосе неприязненные нотки.

– Нет, – сказал он. – Сейчас нет.

Сестра сидела так, что поверх ее левого предплечья Андрей мог видеть историю болезни, которую она заполняла. «Временно не работает», – появилась в соответствующей графе похожая на приговор запись. Очевидно, почтенная собеседница Андрея, как и многие из тех, с кем ему доводилось встречаться, считала словосочетания «свободный журналист» и «свободный художник» синонимами слова «тунеядец». Он не стал вносить поправки: спорить не было сил. К тому же он находил унижительным и бесполезным втолковывать людям, что работать и ходить на работу – не всегда одно и то же, тем более что в объяснениях подобного рода, как правило, нуждаются те, кто не может и не хочет эти объяснения понять.

В голое, без занавесок, окно светило яркое январское солнце. Стены большой, на десяток коек, палаты были выложены пожелтевшим от старости, местами испещренным ржавыми потеками кафелем. Кафель был уложен неровно, и выпирающий из швов цементный раствор напоминал застарелую грязь. В палате явно делали перестановку, и скорее всего не одну: электрические розетки, которым, по идее, полагалось находиться в изголовье каждой кровати, обнаруживались в самых неожиданных местах. Ближайшая располагалась в метре от кровати Андрея; набитая рядом красной краской по трафарету надпись «220 В» пребывала в кричащем противоречии с полоской грязноватого пластыря, которой были залеплены отверстия для контактов вилки. В воздухе висел неприятный, памятный с детства запах лизола, оставленный санитаркой, мывшей пол перед утренним обходом. Из коридора доносилось бряканье металлических тарелок в пищеблоке и сварливый голос медсестры, распекавшей какого-то страдальца за курение в неподобающем месте, а именно в туалете. В дальнем углу кто-то травил байки. «Останавливает его гаишник, – повествовал хрипловатый, ежесекундно норовящий сорваться на хохоток голос, – предлагает поехать на освидетельствование. Он ему говорит: не надо, говорит, на освидетельствование, я и так протокол подпишу – ничего, мол, не поделаешь, что виноват, то виноват. Пишет объяснение: так и так, грешен, выпил, ставит число, подпись – ну все чин-чинарем. А через день трезвый как стеклышко является к начальнику ГИБДД: права, говорит, верните, будьте так любезны. Тот ему: «Ты чего, мужик, с луны свалился? У тебя ж права за пьянку забрали, ты теперь за руль не скоро сядешь!» Он удивляется: какая, говорит, пьянка? Я, вообще-то, не употребляю... Полковник достает объяснительную: «Твоя? Читай!» А он ему:

«Да вы, чем на человека напраслину возводить, сами сперва почитайте!» Тот читает, хмыкает и вызывает к себе мента, который протокол составлял. Сует ему эту объяснительную: «Читай!» Ну, тот читает: «Перед тем как сесть за руль, выпил двести граммов водки». Начальник ему: «Внимательно читай!» Тот опять: «Двести граммов водки». Начальник: «Нет, ты последнее слово по слогам прочти!» Мент пригляделся и читает: «Во-ды». Полковник только рукой махнул: иди, говорит, отсюда, debil...»

Покончив с писаниной, медсестра сунула историю болезни под мышку и встала. Андрею показалось, что кровать при этом издала тихий, но явственный вздох облегчения.

– Гром-баба, – сказал лежащий на соседней кровати худой небритый мужик в спортивном костюме кричащей расцветки и с марлевым шлемом на голове, проводив ее не особенно ласковым взглядом. – Точь-в-точь моя гримза. Я, когда ее первый раз увидел, прямо испугался: неужто, думаю, родственница? Тогда, думаю, мне полный абзац: одна сковородкой по башке в больничку наладила, а другая, значит, здесь полный курс лечения проведет, вплоть до выписки вперед ногами... Михаил, – представился он, – Мишаня, стало быть. Будем знакомы!

– Андрей, – назвал свое имя Липский, вяло пожимая протянутую через проход между койками руку.

– Да я в курсе, что Андрей, слышал. Журналист, говоришь? Подфартило мне, стало быть, с соседом! Кто ж тебя, Андрюха, так разрисовал?

– Без понятия, – предпочел ограничиться полуправдой Липский. – Треснули по башке, обобрали и бросили.

– Считаю, повезло, – авторитетно заявил Мишаня. – Могли совсем пристукнуть, или замерз бы в сугробе...

– Слушай, где я? – сменил тему Андрей. Вопрос был не праздный: на VIP-палату в институте Склифосовского это место походило в самую последнюю очередь.

– Ну, ты даешь! – восхитился сосед. – В больнице, где ж еще-то!

– А больница?..

Мишаня приподнялся на локте, с изумлением воззрившись на него через проход.

– Даешь, – повторил он. – Гляди-ка, как ты давеча хорошо погулял, даже завидно! Клин это, районная больница. Тебя за городом подобрали. Валялся прямо на дороге, снежком припорошенный. Скажи спасибо, что не переехали. Неужто ничего не помнишь?

– Не помню, – устало прикрыв глаза, сказал Андрей.

Это снова была полуправда. Он помнил многое – можно сказать, все, исключая самое главное: каким образом, нарвавшись на неприятности в двух шагах от станции метро «Войковская», очутился на дороге в окрестностях подмосковного Клина.

3

– Ну, здравствуй, Евгений свет Иванович! – отступив от чуть приоткрытой двери, приветствовал Женьку Шмяк. При этом он, как обычно, быстро и внимательно осмотрел поперек Женькиного плеча пустой коридор, как будто опасаясь увидеть там банду грабителей в черных спецназовских масках. – Чем нынче порадуешь?

Женька просунул в щель поднос, держа его на вытянутых руках, и боком проскользнул следом. Шмяк сразу же закрыл за ним дверь, запер ее на два оборота ключа, а потом, словно этого было мало, подпер ручку спинкой стула. Женька не удивился: он уже привык. К тому же Семен Тихонович подозревал у Шмяка раннюю стадию маниакально-депрессивного психоза, развившегося на почве прогрессирующего алкоголизма; Шмяк был чистой воды параноик, а от человека с таким диагнозом можно ожидать еще и не таких фортелей.

– Суп-пюре овощной, – отвечая на вопрос, принялся перечислять Женька, – рыба отварная с овощным гарниром, салат овощной, пирожки с капустой и грибами. Клюквенный морс.

Говоря, он сноровисто, как заправский официант, переставлял содержимое подноса на стол. Раньше стол стоял у окна, но Шмяк его переместил, задвинув в самый угол, словно из боязни быть застреленным во время еды из дальнобойной винтовки с телескопическим прицелом.

По паспорту он был Борис Григорьевич Шмаков, а Шмяком его окрестила повариха тетя Таня после ставшего притчей во языцех инцидента, в ходе которого новый постоялец швырнул в нее тарелку с картофельным пюре. Питаться в общей столовой он сразу отказался наотрез, а когда тетя Таня впервые принесла обед к нему в комнату, отблагодарил ее вышеописанным способом. По твердому убеждению тети Тани, Шмяк метил тарелкой ей в лицо, и, не успев она увернуться, дело могло кончиться довольно скверно. Но она успела, и тарелка с горячим пюре шмякнулась в стену. Обои, по счастью, были современные, флизелиновые, и отмыть их не составило особого труда. Заниматься этим пришлось Женьке, и на него же в дальнейшем автоматически легла обязанность по доставке Шмяку завтраков, обедов и ужинов и уборке занимаемого им помещения. Женька вовсе не горел желанием заткнуть своей молодой грудью данную конкретную амбразуру, но Шмяк не оставил ему выбора, заявив, что не желает видеть в своих апартаментах «чертовых баб». Охранники пансионата в качестве личных лакеев его тоже почему-то не устраивали, а врачам такая работенка была не по чину. Поэтому, пойдя навстречу обратившемуся к нему с личной просьбой главврачу, Женька Соколкин взял ее на себя. Если он почему-либо отсутствовал – обычно по утрам, когда находился на занятиях в школе, – поднос с едой оставляли у Шмяка под дверью, и тот его забирал, только убедившись, что в коридоре никого нет. Охранник Николай как-то показал Женьке сделанную установленной в коридоре следящей камерой запись этого процесса, со стороны напоминавшего работу опытного сапера, обезвреживающего мину-ловушку.

Вообще, работенка Женьке досталась не особо обременительная. Шмяка он не боялся, справедливо полагая, что в случае очередного приступа буйства запросто сумеет от него улизнуть: там, где смогла уцелеть немолодая стокилограммовая повариха, пятнадцатилетний подросток, обученный боксу и дзюдо, уцелеет и подавно. Шмяк в свою очередь проникся к нему симпатией, никогда не пытался им помыкать и разговаривал с ним почти как с равным. Плохо было одно: он здорово любил почесать языком и, хоть и был неплохим рассказчиком, врал, по твердому убеждению Женьки, совершенно безбожно.

– Опять этот силос, – обозревая расставленные на столе тарелки, с брезгливой миной проворчал Шмяк. – Что я им, баран – по три раза на день траву жрать?

Женька почел за благо промолчать, хотя мог бы сослаться на предписанную лечащим врачом диету. Лет Шмяку было, наверное, под шестьдесят – а может, уже и не «под», а «за», – весил он, на глазок, побольше центнера и, судя по вечно красной физиономии, страдал повышенным давлением. Даже Женьке в его неполных шестнадцать лет было ясно, что холестерин для Шмяка – сущий яд. Шмяк, надо думать, и сам это прекрасно знал, но ничего не мог, а главное, не хотел с собой поделаться: он любил мясо и желал им питаться, тем более что свинина не стрихнин и никто не умирает в страшных корчах, схомячив пару-тройку сочных отбивных.

Шмяк взял с тарелки румяный пирожок, плеснул себе морсу из хрустального графина, надкусил, хлебнул и, жуя, выдал вполне предсказуемое предложение:

– Слушай-ка, Иваныч. У тебя организм молодой, растущий, тебе витамины требуются. Может, пособишь?

– Спасибо, – попытался отказаться Женька, – я уже обедал.

– Странный ты парень, – выглядывая в окно, заметил Шмяк. – В твоём возрасте все брешут, да как – заслушаешься! Я знаю, сам таким был. Наплетешь, бывает, родителям с три короба, а они и уши развесили... А ты совсем врать не умеешь. Как же ты, неумеха, мать-то за нос водишь, а? Хватит кочевряжиться, садись наворачивай. Я на эту биомассу глядеть не могу, с души воротит, а еду выбрасывать не приучен. Давай-давай, и без возражений – это приказ.

Возражения у Женьки, конечно, имелись, причем буквально по всем пунктам. Во-первых, врать он умел, и притом не хуже других; во-вторых, водить за нос маму ему не позволяла совесть; в-третьих, насчет своего трепетного отношения к продуктам питания Шмяк таки загнул – достаточно было вспомнить случай с запущенной в тетю Таню тарелкой. Лжецом он, конечно, был записным, вдохновенным, но отличить его вранье от правды не составляло никакого труда, так что свои таланты по этой части он явно преувеличил. Это в-четвертых. А в-пятых, на приказы чокнутого алкаша, допившегося до такого состояния, что сам, добровольно сдался медикам, Женьке Соколкину было глубоко начхать.

Впрочем, промолчать было умнее, и Женька промолчал. Молчание – золото; к тому же в Шмяке смутно угадывалось что-то такое, что, буквально с первой минуты разговора пробуждая охоту язвить, спорить и уличать во лжи, уже на второй начисто ее отбивало. Да и сам предмет возможного спора, заключавшийся в приготовленном тетей Таней обеде – пусть сто раз диетическом, но, как и все, чего касались ее руки, умопомрачительно вкусном, – склонял к конформизму одним фактом своего присутствия. Шмяк прав: еду, особенно ту, что приготовлена тетей Таней, выбрасывать негоже. Он ее есть не хочет, а Женька, наоборот, хочет, и даже очень, потому что пообедать действительно не успел. Организм у него, как верно подметил Шмяк, молодой, растущий и постоянно нуждается в калориях и витаминах. Да как нуждается-то!

Все это Женька додумывал, уже сидя за столом и бойко орудуя ложкой. Он очень старался не спешить, но суп-пюре овощной исчез с тарелки едва ли не быстрее, чем он успел его распробовать. Шмяк наблюдал за ним молча, без улыбки, с таким видом, словно ставил серьезный научный эксперимент или совершал какое-то другое важное дело. Он потянулся за вторым пирожком, но, снова поглядев на Женьку, передумал. Между пальцами его левой руки невесть откуда вдруг появилась сигарета; шелкнула дорогая зажигалка, и по комнате потянуло горьковатым табачным дымком.

Женька знал, что будет дальше, и, расправляясь с салатом и рыбой, исподтишка косился на Шмяка: ему до смерти хотелось узнать, как тот проделывает свой фокус. Он отвлекся всего на какую-то долю секунды, вынимая изо рта чуть было не проглоченную рыбью кость, но этого хватило: когда он снова посмотрел на Шмяка, тот уже спокойно свинчивал пробку с плоской, слегка изогнутой пол-литровой фляжки.

4

Марта, как обычно, примчалась по первому зову – то есть спустя всего два с половиной часа после того, как Андрей позвонил ей с любезно предоставленного соседом по койке мобильного телефона. Под извинения Липского протягивая ему старенький «сименс» с подслеповатым монохромным дисплеем, Мишаня сказал: «Да ладно, чего там, свои же люди! Какие могут быть счеты промеж двух инвалидов? Тем более ты с ним не убежишь». – «Не убегу», – согласился Андрей. «Ну, а то! Поди, если б мог, и то не побежал бы», – ухмыльнулся щербатым ртом Мишаня.

Узнав, где он и что с ним, Марта обозвала Андрея кретином и бросила трубку. А через два с половиной часа – если быть точным, через два часа и тридцать четыре минуты, не считая секунд, – дверь палаты распахнулась, как от сильного порыва ветра, и на пороге возникла она – высокая, стройная, в наброшенной поверх делового костюма белой больничной накидке, с независимо вздернутым подбородком и с пакетом апельсинов на изготовку.

Как всегда, она была умопомрачительно красива, предельно серьезна и вся, от острых каблучков модных сапожек до кончиков ниспадающих на плечи платиновых волос, сосредоточена на деле, которым занималась в данный момент. Она была похожа на ветер – опять же как всегда, когда впервые появлялась в поле зрения. Это первое впечатление, создаваемое ее

летающей походкой и реющими вокруг прекрасного лица дивными волосами, уже на первой минуте разговора сменялось другим, не столь романтическим, зато куда более точным: переходя к делу, Марта становилась похожей на летящую в цель пулю. Делом она занималась всегда, когда не спала (даже в постели с мужчиной она не предавалась страсти, а вкалывала на результат, стремясь за минимальный промежуток времени получить максимум удовольствия), и, поскольку Андрей знал ее сто лет, ассоциация с ворвавшимся в затхлый склеп вольным ветром давно перестала его обманывать.

И все равно: входя в палату, она была похожа на ветер.

– Ох ты, – со смесью испуга и восхищения произнес кто-то, на полуслове оборвав похабный анекдот. По палате пронесся негромкий коллективный вздох, фоном которому служили множественные вороватые шумы: скрежет торопливо задвигаемой под кровать «утки», шорох сминаемой газеты с горкой шелухи от подсолнухов, скрип кроватных пружин и шелест простыней, поспешно накидываемых на торчащие в проход ноги в несвежих дырявых носках.

Мгновенно отыскав взглядом Липского, ни на кого больше не глядя, Марта процокала каблучками к его кровати и остановилась, критически обозревая открывшееся ей печальное зрелище.

– Красавец, – без тени сочувствия констатировала она, – Ален Делон. Да, с апельсинами я явно погорячилась. Угощайтесь, – добавила она и, не глядя, сунула пакет Мишане.

– Благодарствуйте, – потерянно промямлил тот, принимая подношение, и за спиной Марты показал Андрею большой палец, выразительно округлив при этом глаза.

Перебросившись с Андреем буквально парой слов ни о чем, Марта отправилась на поиски врача. Тут она, пожалуй, была права на все сто: жизни известного блогера Липского в данный момент ничто не угрожало, а лежать, посасывая через трубочку бульон, он с равным успехом мог и дома, в привычной, родной и куда более комфортабельной, чем здесь, обстановке. А если поименованному блогеру все-таки потребуется помощь медиков, то в столице Российской Федерации городе-герое Москве он получит ее без проблем, и помощь эта обещает быть куда более квалифицированной и оперативной, чем та, которую может предоставить районная больница города Клина.

Откуда-то с дальнего конца коридора послышались звуки набирающей силу перебранки. Кричали как минимум в три голоса – два женских и один мужской. Голоса Марты Андрей не слышал, да и не ожидал услышать: решая деловые вопросы, она никогда не говорила на повышенных тонах, но тех, кто рассчитывал ее переспорить, полагаясь на мощь своей луженой глотки, неизменно ждало горькое разочарование. По профессии Марта была адвокатом. Дела, которые она проиграла, можно было пересчитать по пальцам, и было это на заре ее карьеры, которая теперь приближалась к своему пику. Сочетание высочайшего профессионализма, глубокого знания юриспруденции, целеустремленности, неотразимого обаяния и полнейшей беспринципности делало ее практически непобедимой. Она была непобедима в суде, и слабый очаг сопротивления в лице дежурного доктора и парочки медсестер провинциальной больницы мог помешать ей не более, чем несколько мельтешащих перед лицом мошек. Если бы местный Айболит догадался посоветоваться с Андреем, тот сразу сказал бы, что напрягаться не стоит: исход сражения предрешен, лучше сразу выкинуть белый флаг.

Он имел богатый опыт по части капитуляций – по крайней мере, в том, что касалось Марты. Когда-то – как теперь казалось, давным-давно, в прошлой жизни, – они были мужем и женой. Она была хорошим человеком и по-своему очень его любила. Он тоже ее любил, но любовь – материя хрупкая, малоизученная, а Марта не умела вовремя остановиться и дома оставалась такой же, как на работе – напористой, неуязвимой, всегда нацеленной на результат, как выпущенная из винтовочного ствола пуля. Она всегда лучше знала, что и как надо, и переубедить ее не было никакой возможности: нельзя переспорить человека, который зарабатывает на хлеб с маслом тем, что по три раза на дню неопровержимо доказывает, что черное – это

белое и наоборот. При этом она действительно любила мужа – любила, как любят вещь или домашнего питомца, какого-нибудь попугайчика или хомячка.

Судя по тому, как быстро она приехала, в какой-то степени Андрей до сих пор оставался ее хомячком. И он не удивился, осознав, что это ему приятно – где-то, как-то, со множеством больших и малых оговорок, но все-таки приятно, а не наоборот. Хотя три года назад, устав от постоянных капитуляций, которые, увы, не приводили к окончанию военных действий, и подав наконец на развод, он не испытал ничего, кроме облегчения. Из опыта семейной жизни оба вынесли стойкое отвращение к институту брака, но, как ни странно, не друг к другу. Они продолжали встречаться – изредка, под настроение и когда не было других вариантов – и, как уже упоминалось выше, спешили друг другу на помощь по первому же зову.

Чем не городская идиллия начала двадцать первого века?

Отголоски ведущихся в районе ординаторской военных действий смолкли.

– Уделала, – держа в руке наполовину очищенный апельсин, констатировал Мишаня. – Вот это женщина! Не баба, а шестиствольный миномет. Жена?

– Бывшая, – с трудом садясь на постели, признался Андрей. Сесть оказалось по-настоящему тяжело, остаться в этом положении – еще тяжелее, но он крепился, потому что мог предсказать дальнейшее развитие событий с точностью до седьмого знака.

– Понимаю, – слегка его удивив, сочувственно изрек Мишаня. – Сквородкой по черепу – это еще не самое страшное. Хуже, когда прямо по мозгам – с утра до вечера, каждый божий день...

По уму, следовало бы посоветовать ему помалкивать и не совать нос не в свое дело, но Андрей промолчал: сосед хотел, как лучше, и не заслужил такой отповеди. Кроме того, его реплика, хоть и не могла считаться образцом высокого стиля, ничего, кроме голой правды, не содержала. Да и практически неизбежных в такой ситуации советов: учить ее надо, кулаком учить, чтоб знала свое место, – не поступило, из чего следовало, что Мишаня не так туп и неотесан, как можно подумать, глядя на его кричаще-яркий спортивный костюм, небритую челюсть и щербатую ухмылку.

Андрей как раз напоминал себе, что и сам в данный момент выглядит ничуть не лучше, когда в палату вернулась Марта. Волосы ее развевались, белая накидка трепетала за спиной, как крылья воинственного ангела, а в руке вместо пакета с апельсинами, содержимое которого стараниями хлебосольного Мишани уже распространилось по всей палате, была черная спортивная сумка.

5

Фляжка была блестящая, серебристая, обтянутая темно-коричневой тисненой кожей. Она появлялась на свет в самые неожиданные моменты, и всегда это происходило так, что Женька не успевал засечь, откуда, собственно, она берется. С учетом того обстоятельства, что Шмяк, по идее, лечился здесь от алкоголизма и сопутствующих психических расстройств, его манипуляции с флягой выглядели довольно загадочными и рискованными. Они явно шли вразрез с предписаниями лечащего врача и незыблемыми, как законы физики, правилами внутреннего распорядка пансионата. Более того, они противоречили словам и действиям самого Шмяка, который явился сюда добровольно – просто приехал один, на такси, без конвоя, состоящего из утомленных его пьяными выходками родственников, и отвалил сумасшедшие деньги за то, чтобы его избавили от пагубного пристрастия и, по его собственным словам, «подкрутили винтики в черепушке».

Кое-какие предположения на этот счет у Женьки Соколкина имелись, но он предпочитал держать их при себе. Что толку теряться в догадках, если проверить все равно ничего нельзя? Догадки могут быть верными или нет, а задавать вопросы бесполезно – Шмяк в ответ или

соврет, или просто отмахнется: отвяжись, сопляк, не твоего ума дело! И между прочим, будет полностью в своем праве. Женька действительно не имел ни нужды, ни желания разбираться в его личных проблемах и обстоятельствах. По-настоящему загадочным представлялось другое: каким образом не иссякает содержимое фляги, к которой Шмяк прикладывается с такой завидной регулярностью?

Шмяк приложился к фляге, сделал приличный глоток, по комнате поплыл резкий запах коньяка.

– Ну, – опустившись в кресло и сделав глубокую затяжку, сказал Шмяк, – рассказывай, что целое утро в кабинете у главврача делал. Постукиваешь, барабанщик?

И, иллюстрируя это оскорбительное предположение, легонько постучал костяшками пальцев по подлокотнику.

Женька не оскорбился: это была одна из любимых и притом самых безобидных шуток Шмяка.

– На кого тут стучать? – пренебрежительно откликнулся он, подчищая тарелку.

– Что за молодежь пошла, элементарных вещей не знают! – Шмяк снова глотнул из фляги и затянулся сигаретой. – Было бы желание, а на кого стучать, всегда найдется. Повариха продукты домой таскает, старшая сестра нарушает правила хранения наркотических препаратов...

– Пациент Шмаков курит в палате и распивает на территории пансионата крепкие спиртные напитки, – не удержавшись, подсказал Женька.

– Вот видишь, – в свою очередь, не подумав обидеться, одобрил его сообразительность Шмяк. – А говоришь, стучать не на кого... Да ладно, шучу. Так о чем вы там с главврачом секретничаете?

– Да какие там секреты! – отмахнулся надкушенным пирожком Женька. – Комп у него снова завис, вот и весь секрет. Семен Тихонович – нормальный дядька, известный специалист, но в компьютерах шарит, как я в минно-подрывном деле. Как начнет мышкой щелкать, такого нащелкает, что потом за неделю не разгребешь.

– А ты у него, значит, вроде скорой компьютерной помощи, – подсказал Шмяк.

– Ну да, вроде того. Я ему комп в чувство привожу, а он мне разрешает в Интернете посидеть.

– Картинки? – предположил Шмяк. – Видео, приколы... В общем, весь этот мусор. Да? Или, может, порнушка?

Женька залпом допил морс и, развернувшись на стуле, сел лицом к собеседнику. Тема была близкая, хорошо знакомая и где-то даже больная; на эту тему можно было и поговорить, причем не просто на равных, а с чувством своего полного превосходства, поскольку на мате-рого хакера Шмяк смахивал меньше, чем на кого бы то ни было.

– Интернет часто сравнивают с помойкой, – сказал Женька тоном доктора физико-математических наук, читающего лекцию в сельском клубе. – Это широко распространенное заблуждение – вернее сказать, предвзятое мнение, присущее в основном тем, кто до сих пор даже телевизор включает с опаской – а вдруг взорвется? А Интернет – это целый мир, и в нем, как в любом мире, есть все, в том числе и помойки. Он существует совсем недавно, его еще не успели подмять под себя и взять под контроль те, кто любит всеми командовать. Интернет – это территория свободы. Просто есть люди, которым свобода противопоказана. Это из-за них Интернет обзывают информационной помойкой. Потому что дерьмо всегда плавает поверху.

– Это точно, – неожиданно помрачнев, серьезно сказал Шмяк. – Насчет всего остального – не знаю, тебе виднее. А насчет дерьма, которое сверху, – это ты, брат, попал в самую точку.

– Простая физика, школьный курс, – скромно отказался от лавр первооткрывателя Женька. – И потом, кто ищет дерьмо, обязательно его найдет. Хоть из-под земли достанет.

– Тоже верно. – Шмяк погасил окурок о подошву, сунул его за батарею и снова приложился к фляжке. Он пьянел быстро, прямо на глазах, подтверждая тем самым, что поставленный Семеном Тихоновичем диагноз недалек от истины. – Занятный ты парнишка, Иваныч. Зеленый ведь пацан, а рассуждаешь, как профессор.

– Лучше было бы, если б я по фене ботал и у малолеток по подъездам мобилы отжимал?

– Да нет, наверное, не лучше... Ну, и что нового в этом твоём свободном мире? Что, опять террористы кого-нибудь взорвали?

– Один блогер пишет, что золото компартии до сих пор где-то спрятано, – сообщил Женька. Террористами он не интересовался. Коль скоро они со Шмяком не были генералами, планирующими масштабную контртеррористическую операцию, обсуждение данной темы было сродни разговорам о сбесившемся климате – говори не говори, а от твоей болтовни все равно ничего не изменится.

– Опять? – удивился Шмяк. Кто такой блогер, он не спросил, из чего следовало, что с Интернетом он знаком намного ближе, чем утверждал. – Вот народ! Двадцать лет прошло, а они все не угомонятся... Хотя чему я удивляюсь? Технологии за эти двадцать лет черт-те куда скакнули, а народ, каким был, таким и остался. Только раньше салажата вроде тебя пиратскими кладами бредили, а нынче, вишь, золотом партии. Мы про эти самые клады в книжках читали, вы – в Интернете, вот и вся разница. Эх, молодо-зелено! Далась вам эта компартия... Что она вам плохого сделала, не пойму, хоть убей. Твои-то родители небось при коммунистах жили и горя не знали – в институтах учились, на работу ходили, квартиру имели, бесплатную медицину, образование... А теперь что? Много ты со своей мамкой с этого капитализма поимел? Золото партии им подавай... А может, оно, золото это, все на вас, обормотов, ушло?

– Ну да, – усомнился Женька.

– Ну, может, и не все, – пошел на попятный Шмяк. Он ненадолго присосался к фляжке, крякнул, понюхал свое волосатое запястье, а потом, замысловато крутанув кистью, словно бы прямо из воздуха извлек очередную сигарету. – Может, что-то и осталось – как говорится, на развод... И что он пишет, этот твой блогер?

Женька возвел глаза к потолку, припоминая.

– «Коммунистическая партия продержалась у власти в нашей стране более семидесяти лет, – начал по памяти цитировать он, – и у руля ее с самого начала стояли люди, которых при всем желании не назовешь святыми. Можно не сомневаться, что в их распоряжении находился очень серьезный золотовалютный запас – запас, который бесследно исчез в тот самый момент, когда партия утратила свою руководящую роль в обществе. Упорство, с которым лица, могущие располагать конкретной информацией по данному вопросу, отрицают свою осведомленность, а то и сам факт существования такого запаса, само по себе наводит на мысль о заговоре. С момента провала августовского путча, который повлек за собой развал Советского Союза, прошло двадцать лет, и обозреватели до сих пор не устают спорить о том, что же это было – глупость или трагическая ошибка?»

Он замолчал, чтобы перевести дух, и Шмяк немедленно воспользовался паузой.

– Эх тебя разобрало, – сказал он. – Прямо наизусть вызубрил!

– Ничего я не зубрил, – огрызнулся Женька. – Просто память хорошая.

– Бывает, – с оттенком сомнения согласился Шмяк. – Ну-ну, и что же это было – глупость или трагическая ошибка?

– «Оба предположения представляются спорными уже хотя бы потому, что попытку переворота возглавляли высшие партийные и правительственные чины – люди по определению неглупые, умеющие принимать ответственные решения в острых ситуациях. Они видели, в каком направлении развиваются события, были заранее готовы ко всему и, если бы действительно хотели захватить и удержать власть, без особых усилий добились бы желаемого результата. Но переворот вылился в нелепый, кровавый и, к счастью, непродолжительный фарс.

Так что это было – глупость? Ошибка? Сомнительно! Если не более, то уж никак не менее реальным представляется третий вариант, до сих пор старательно замалчиваемый, согласно которому путч был организован с единственной целью: под шумок вывезти золото партии из Москвы и спрятать в надежном месте до лучших времен. Пока первые мученики молодой российской демократии стучали ручками от швабр по танковой броне и гибли под гусеницами, пока внимание всего мира было приковано к событиям вокруг Белого дома, кто-то спокойно действовал по тщательно разработанному плану, опустошая тайное подземное хранилище»...

– М-да, – сказал Шмяк. – Дурак он, твой блогер. Ему за такую писанину могут запросто голову носом к пяткам повернуть.

– Да ну, что тут такого? – не поверил Женька, собирая на поднос грязную посуду. – Хотя... В новостях написано, что он куда-то пропал.

– Золото партии ищет, – насмешливо предположил Шмяк. Он снова хлебнул из фляжки, и Женька заметил, что с каждым разом ему приходится все дальше запрокидывать голову: фляга пустела, но можно было не сомневаться, что, как только у Шмяка возникнет такая потребность, она снова окажется полнехонька. – Ну, чего забеспокоился? Ничего ему не делается. Небось завис у какой-нибудь бабы, а то и нарочно спрятался, для саморекламы – для пиара, как теперь говорят. Его счастье, если так. Зря он это, не надо бы ему серьезных людей дразнить...

Лицо его, и до того красное, вконец налилось кровью, язык начал заплетаться, и Женька понял, что разговор пора закруглять.

– Ты давай, Иваныч, двигай потихонечку, – подтверждая его догадку, сказал Шмяк. – Больным после обеда тихий час полагается, а тебя, наверное, мать уже обыскалась.

Женька не стал спорить, хотя ему вдруг показалось, что Шмяк мог бы, а главное, был не прочь рассказать что-то по-настоящему интересное – не про то, как Фидель Кастро лично подарил ему собственную кепку, и не про то, сколько раз и при каких обстоятельствах он выпивал с первыми лицами государства, а о чем-то, что было на самом деле. Собрав посуду, он подхватил поднос и направился к выходу. Шмяк опередил его, жестом заставил остановиться и, прикинув ухом к щели, некоторое время вслушивался в тишину за дверью. Потом, убедившись, что все спокойно, разблокировал ручку, отпер замок и приоткрыл дверь. Протискиваясь мимо него в узкую щель, Женька уловил густой, тяжелый запах перегара и уже далеко не впервые подумал, что такое лечение Шмяка до добра не доведет.

6

– Одевайся, – сказала Марта, ставя сумку на кровать. – Я заскочила к тебе домой, похватила, что под руку подвернулось, так что не обессудь.

– А мои вещи? – удивился Андрей. – Я же был во что-то одет...

– Забудь, – коротко посоветовала Марта. – Я тебя в этой заскорузлой рванине в машину не пущу. Даже в багажник.

– А...

– Карманы я проверила, там ничего нет, кроме табачных крошек.

– Черт, – сказал Андрей. – Паспорт, права, документы на машину... Черт. Телефона жалко, теперь придется полгода контакты восстанавливать.

– Нормальные люди держат в ящике стола записную книжку, – сообщила Марта. – Послушай, у меня не так много времени...

– Извини, – сказал Андрей, торопливо стягивая через голову нательную рубашку с черным казенным штампом на подоле, – я сейчас.

Лицо Марты слегка дрогнуло, когда она увидела страшные черно-багровые кровоподтеки на его спине и ребрах. Впрочем, слабость была недолгой, и уже в следующее мгновение Марта

стала прежней Мартой – прямой, как копьё, красивой, как богиня, и холодной, как подвергнутый глубокой заморозке кусок говяжьей вырезки в витрине супермаркета. Она уже давно бросила заниматься уголовными делами, но на ее умение держать себя в руках это никак не повлияло.

Через пять минут они уже садились в машину. Марта водила компактный внедорожник «тойота» серебристого цвета – не шибко статусный, но зато новенький, надежный, очень удобный и в меру экономичный. Отвергнув предложение прилечь, Андрей кое-как устроился на переднем сиденье, после неизбежного напоминания пристегнулся ремнем безопасности и осторожно положил забинтованный затылок на подголовник спинки. Машина была припаркована у дверей приемного отделения – чуть в стороне, чтобы, упаси бог, не создать помеху подъехавшей карете скорой помощи, но достаточно близко, чтобы контуженный в неравном бою за правое дело любимый хомячок Марты по дороге к ней вдобавок к своим боевым ранениям не подхватил еще и простуду. Двигатель запустился с пол оборота и мягко, чуть слышно заурчал под капотом. Марта включила передачу, и машина, с хрустом давя колесами комья мерзлого снега, покатила прочь от скорбной юдоли.

– Ну, и как, позволь узнать, тебя угораздило? – выехав за ворота и включив третью передачу, спросила Марта.

Андрей немного помедлил с ответом. За совершенным, как у мраморной античной статуи, лбом его бывшей жены, помимо массы других полезных вещей и устройств, располагался суперэффективный, никогда не дающий сбоев детектор лжи. Липский знал, что на свете есть немало людей, способных обмануть полиграф. С некоторыми из них он даже был знаком, но человека, который мог бы провести Марту, среди них не было, и Андрей подозревал, что этот герой, как говорится в одной русской сказке, «еще не родился, а если родился, так на бой не сгодился».

Кроме того, ложь в данном случае представлялась абсолютно бессмысленной.

– Это из-за моей статьи, – невнятно и шепеляво выговаривая слова, признался он. – Вернее, из-за серии статей.

Марта едва заметно, но явно сочувственно поморщилась. Но сочувствие сочувствием, а щадить его она явно не собиралась.

– Тема? – спросила она.

– Золото партии. Видишь ли, есть основания предполагать...

– Побереги дыхание. Знаю. Читала.

– Польщен, – не кривя душой, сообщил Липский.

– И совершенно напрасно, – прозвучало в ответ. – Статьи твои – полнейший бред. Удивляюсь, как это кто-то взял себе за труд отреагировать на них подобным образом.

– Не скажи, – зная, что спорить бесполезно, возразил Андрей. – Согласись, в моих предложениях есть логика.

– Есть, – легко согласилась Марта. – Только не надо забывать, что логика – это всего лишь инструмент. Вроде зубила, с помощью которого можно превратить кусок мрамора в прекрасную статую или в груды ни на что не годного щебня.

– Образно, – похвалил Липский. – И притом в точку. Только я почему-то сомневаюсь, что груды ни на что не годного щебня могла послужить причиной такого обращения с моим хрупким организмом. Полагаю, я каким-то образом ткнул их в больное место и весь набор увечий, который ты в данный момент наблюдаешь, есть не что иное, как знак признания моих заслуг.

– То есть ты напал на след, подошел вплотную к разгадке и тебя решили остановить, – глядя на дорогу, ровным голосом произнесла Марта. Сняв правую руку с баранки, она закурила длинную тонкую сигарету. Андрея замутило, и Марта погасила сигарету раньше, чем он успел

ее об этом попросить. – Извини. А ты не думал, что тебя отделали какие-нибудь гиперактивные люмпены, стоящие на платформе КПРФ?

Андрей снова помолчал, прислушиваясь к тому, как слабеет и отступает тошнота.

– Не думал, – признался он. – Честно говоря, я еще ни о чем не успел толком подумать. Мне четко дали понять, что в интересах сохранения здоровья эту тему лучше оставить. Это все, что я знаю. Но полагаю, что упомянутые тобой люмпены не стали бы пыхтеть с риском засыпаться, волоча меня почти из центра Москвы сюда, в Клин, а просто бросили бы на месте. Представь, мимо скольких полицейских постов им пришлось меня протащить... Да о чем я говорю! Среднестатистическому люмпену, прежде всего, не удалось бы меня вычислить. Да и разговаривали они не как пролетарии.

– Кстати, о полиции, – сказала Марта. – К тебе уже приходили?

– Как ни странно, да.

– Ты написал заявление?

– Нет, – односложно ответил Андрей.

Как он и опасался, ограничиться простым отрицанием ему не дали.

– Правильно, – сказала Марта. – Напишешь в Москве. Справку о состоянии твоего здоровья я взяла, остальное – дело техники...

– Нет, – повторил Андрей.

Пехота спешно занимала стрелковые рубежи; артиллеристы притаились за броневыми щитами, сжимая в кулаках запальные шнуры; танки, ревя моторами, выползали на исходные позиции; штурмовики звено за звеном уходили в хмурое пасмурное небо. Прозвучавшее коротенькое слово сигнальной ракетой зависло в вышине, роняя искры; сигнал к атаке был дан, и Андрей наслаждался последним мгновением тишины перед началом сражения, к которому не был готов.

– Что значит «нет»? – удивилась Марта. Атака началась. – Ты что, намерен вот так все это оставить? Не думаю, что это разумно. Я не занимаюсь уголовными делами, но для тебя по старой памяти могу сделать исключение. У меня есть знакомые в полиции и прокуратуре... Ты, вообще, понимаешь, что тебя могли убить?!

– Хотели бы убить – убили бы, – дал ответный залп Липский. – Доказать ничего не могу, но у меня сложилось совершенно определенное впечатление, что мной занимались профессионалы – или бывшие, или действующие. Лиц я не видел, машины, на которой меня привезли в Клин, не видел и подавно, так что результаты полицейского расследования могу предсказать прямо сейчас. Они будут нулевыми, и ты это отлично знаешь. Единственный результат, на который можно рассчитывать в данной ситуации, – это моя безвременная кончина. И чем более профессиональным и добросовестным будет расследование, тем выше вероятность именно такого результата.

Машина мчалась по загородному шоссе, которое ровной лентой белесого от соли сухого асфальта пролегло через заснеженные поля. Солнце уже клонилось к горизонту, возвещая конец короткого зимнего дня и мало-помалу приобретая медно-красный цвет, который обещал вскоре стать малиновым. Сухая снежная пыль, что сеялась с ветвей придорожных деревьев, вспыхивала в его лучах огненными искорками, за кормой внедорожника клубился, норовя прильнуть к заднему стеклу, и уносился назад густой белесый пар из выхлопной трубы. Из вентиляционных отдушин тянуло ровным сухим теплом, негромко шелестел вентилятор, стрелка спидометра, как приклеенная, держалась у отметки «110».

– Ты что, испугался? – после продолжительной паузы спросила Марта.

Андрей усмехнулся. Она не просто молчала – она обдумывала его слова, и прозвучавший вопрос не содержал ни насмешки, ни подначки – это был именно вопрос, заданный с целью получения недостающей информации.

– Если я скажу «нет», ты мне не поверишь, – ответил он. – И будешь абсолютно права. Испуг в подобной ситуации – естественная реакция организма. Но дело не в нем. Договариваться со своим инстинктом самосохранения я умею давно – профессия научила, знаешь ли. Просто вся эта бодяга с заявлениями, явками для дачи показаний и так далее – пустая трата времени и сил. В средствах массовой информации поднимется нездоровая шумиха, меня начнут донимать всякие недоучки с диктофонами и камерами наперевес, станут выворачивать наизнанку мои слова, выдвигать собственные идиотские версии... Их придется опровергать, с ними, возможно, придется судиться, и все это неизбежно уведет меня далеко-далеко в сторону от того, чем я хочу и должен заниматься.

– И чем, по-твоему, ты должен заниматься?

– Дальнейшей разработкой темы, – слегка удивив самого себя, сказал Андрей.

Он еще не думал, как ему со всем этим быть, – не успел, да и голова сейчас была пригодна для размышлений немногим более, чем ушибленный локоть или, скажем, коленка, – но произнесенные слова не были простым сотрясением воздуха. Он вдруг понял, что действительно может и хочет идти дальше. Тем более что, судя по вчерашнему происшествию, его предположения и впрямь были недалеко от истины.

– Сумасшедший, – устало произнесла Марта. Это была не капитуляция, а всего лишь прекращение атаки, которая, как она ясно видела, в данный момент не могла привести к желаемому результату. – Ты можешь объяснить, зачем тебе это нужно?

– Например, в интересах истины, – сказал Андрей. – Согласись, народу было бы небезынтересно узнать, куда исчезли деньги, которые у него украли.

– Чушь, – спокойно, с глубокой убежденностью отрезала Марта. – Впервые слышу, что тебя волнует мнение так называемого народа. Предложи более разумный вариант – если, конечно, он у тебя имеется. Может, ты всерьез считаешь найти это золото?

Несмотря на вернувшуюся тошноту и разламывающую боль в голове, Андрей рассмеялся.

– Ты знаешь, мне это как-то даже в голову не приходило. А было бы неплохо. Ей-богу, неплохо! Я бы тогда открыл собственный журнал и начал наконец зарабатывать деньги на том, что пока что приносит одни синяки.

– Про то, что ты называешь работой, я вообще молчу, – серьезно сказала Марта, отвергнув предложенный шуточный тон. – Никогда не понимала, зачем тебе это блогерство, когда любое серьезное издание тебя с руками оторвет.

– Интернет – последнее прибежище независимой журналистики, – сообщил Андрей. – Все остальные средства массовой информации давно превратились в средства массовой дезинформации. Они занимаются рекламой и ничем, кроме рекламы, продвигая интересы тех, кто больше платит... или тех, у кого кулак тяжелее. Я в эти игры уже наигрался. Больше не хочу, спасибо.

– Ага, – сказала Марта. – И ты намерен нести в массы правду и ничего, кроме правды, да?

– Звучит высокопарно, но в общем да. Почему бы и нет?

– Все-таки тебя сильно ушибли, – помолчав, озабоченно констатировала Марта. – Надеюсь, это пройдет раньше, чем ты сможешь вернуться к активной деятельности. Иначе придется заниматься организацией твоих похорон, а у меня и без того забот полон рот.

– Если что, ты знаешь, где лежат деньги, – с серьезным, мрачноватым видом сказал Липский. – На скромные похороны там должно хватить.

– Идиот!

– Так я же не спору, – делая вид, что вконец обессилел и вот-вот уснет, пробормотал Андрей.

Для убедительности он прикрыл глаза и свесил голову на грудь. Он действительно чувствовал себя усталым и разбитым, да и затеянный Мартой разговор, хоть и был при сложив-

шихся обстоятельствах вполне естественным и неизбежным, представлялся ему абсолютно бесполезным.

Глава II. Пожилая дама и господин с тросточкой

1

Вернувшись из школы и наскоро перекусив, Женька Соколкин вышел из флигеля и скорым шагом направился к главному корпусу пансионата. На улице мело, и желто-белый двухэтажный особнячок был виден смутно, как сквозь колеблемую ветром тюлевую занавеску – вернее, как сквозь занавес из нанизанных на нитки комков ваты, с помощью которого изображают снег на сцене во время детских новогодних утренников. Расчищенные с утра дорожки побелели, и, торопливо перебирая ногами, Женька то и дело косился назад, чтобы взглянуть на четкие отпечатки своих подошв в свежем, нетронutom снегу. Ветер щекотал лицо пушистыми снежными хлопьями и, как поется в песне, холодил былую рану. Рана, впрочем, была никакая не былая, а, наоборот, свежая – с пылу, с жару. Вспомнив о ней, Женька на ходу наклонился, зачерпнул горсть снега и приложил к распухшей левой скуле.

Ранение было не столько тяжелое и болезненное, сколько обидное. Противник напал внезапно, явно действуя по заранее разработанному плану, и застал Женьку врасплох. План был примитивный, но действенный. Когда прозвенел звонок на урок литературы, Женька направился к своей парте. В это время мелкий, похожий на обезьяну и, как обезьяна, ловкий поселковый гопник по кличке Сало вынырнул у него из-под локтя, дал кулаком в глаз, перемахнул через парту и вытянулся по стойке «смирно» на своем месте в ту самую секунду, когда в кабинет вошла классная. Урок литературы был сегодня последним; по его окончании Женька хотел свести с обидчиком счеты, но Сало сидел ближе к выходу и, несмотря на малый рост, бегал быстрее всех в классе, так что отправляться домой пришлось со свеженьким фингалом и без сатисфакции. Ну, не обидно?

Скула онемела от холода, но продолжала ныть. Женька выбросил подтаявший, ставший серым и полупрозрачным комок, постаравшись вместе с ним выкинуть из головы мрачные мысли. До окончания школы осталось всего ничего, каких-нибудь полтора года. Полтора года он как-нибудь потерпит, а там – прощай, родной зверинец! Правда, за порогом школы его, как всякого, у чьих родителей нет денег на взятку военкому, поджидает новый зверинец – армия, но, как говорили древние римляне, где ты ничего не можешь, там ничего не должен хотеть.

Час был обеденный, и первым делом Женька заскочил на кухню, чтобы забрать и отнести Шмяку оставленную для него порцию. Поднявшись на второй этаж, он остановился перед знакомой дверью, упер край подноса в живот и, освободив таким образом правую руку, выбил костяшками пальцев по двери бойкую дробь: тук, тук, тук-тук-тук! Шмяк, по настоянию которого он пользовался этим условным сигналом, сообщил ему, что в азбуке Морзе данное сочетание – два тире, три точки – означает семерку.

За дверью со скрежетом двинули стулом, предательски булькнула жидкость во фляге, и сиплый голос подозрительно осведомился:

– Кто?

– Грачи прилетели, – чувствуя себя дурак дураком, сообщил Женька.

– На крыльях весну принесли, – послышалось из-за двери, и в замке дважды со щелчками провернулся ключ.

Пароль и отзыв менялись ровно столько раз на дню, сколько Женька переступал порог занимаемой Шмяком комнаты. Шмяк сообщал их ему перед уходом, и это вовсе не было игрой: однажды Женька забыл этот чертов пароль, и Шмяк держал его с подносом за дверью до тех пор, пока тот не вспомнил.

Шмяк был уже изрядно навеселе, но наблюдательности не утратил.

– Эге, – сказал он, всего раз взглянув на Женьку, – кто это тебе так красиво подвесил?

Зная, что он все равно не отстанет, Женька с неохотой рассказал, как было дело, прибавив в конце, что такой подлости не ждал даже от своих горячо любимых одноклассников.

– Ха, подлость! – подозрительно нюхая тарелку с борщом, воскликнул Шмяк. – Ты, Иваныч, это слово забудь и никогда им не пользуйся. В наше время оно не в ходу, потому что больше ничего не означает. Ты считаешь, что это подлость, а он – что военная хитрость, эффективный и успешно проведенный тактический прием. И между прочим, хоть ты мне и приятель, согласен я не с тобой, а с ним. Как говорится, Платон мне друг, но истина дороже. Подлость... Привыкай, браток! Рассматривай это как наглядный пример того, что тебя ожидает в самостоятельной жизни. Не научишься ждать от людей именно такого поведения и сам действовать таким же манером, попытаешься жить, как в книжках прописано, – сожрут с потрохами и косточек не выплюнут. Затрут в самый темный, самый пыльный угол, и будешь ты со своими распрекрасными мозгами там сидеть тише воды, ниже травы. Хомо хомини люпус эст – слышал? Человек человеку – волк. Это еще древние римляне придумали, а они, поверь моему слову, были очень неглупые люди.

Впав в ораторский раж, он забыл, что надо капризничать, и наворачивал борщ так, что любо-дорого глянуть. Глубокая тарелка опустела в два счета; облистав ложку, Шмяк деловито придвинул к себе судок с картофельным пюре, поверх которого, соблазнительно прижавшись друг к другу бледными боками, лежали две паровые котлеты, и спросил:

– Ну а что слышно об этом твоём блогере? Нашелся?

Женька озадаченно почесал в затылке: он никак не думал, что полуторанедельной давности разговор запал старому пьянице в память.

– Нашелся, – сказал он. – Его избили, ограбили, вывезли за город и бросили на дороге.

– Я же говорил: допрыгается, – расчлняя вилкой котлету, с удовлетворением произнес Шмяк. – Вот и допрыгался.

– Ничего подобного, – возразил Женька. – Это было обыкновенное ограбление. Не связанное с его профессиональной деятельностью.

Тут он заметил, что Шмяк внимательно смотрит мимо него куда-то в угол. Он машинально повернул голову, чтобы проследить за направлением его взгляда, а когда снова посмотрел на Шмяка, тот уже свинчивал пробку со своей любимой, явившейся будто по шучьему велению фляжки. Женька дал себе слово, что больше никогда не клюнет на эту старую удочку, точно зная при этом, что клюнет все равно. А если не клюнет, Шмяк обязательно придумает что-нибудь другое...

– Это кто говорит? Он? – хлебнув из горлышка, пренебрежительно осведомился Шмяк.

– Он, – подтвердил Женька. – В интервью по телефону.

– Значит, он все-таки не такой дурак, как мне показалось, – сказал Шмяк. – Дураки те, кто ему поверил. И ты, Иваныч, в том числе. Где ты видел грабителей, которые сначала избили бы человека и обобрали до нитки, а потом, вместо того чтобы дать стрекача, потащили его куда-то к черту на рога, за город? – Он прожевал, глотнул, отложил вилку и хлебнул из фляжки, которая, как давно заметил Женька, служила ему источником ораторского вдохновения. Судя по некоторым признакам, сегодня Шмяк начал припадать к этому источнику с самого утра. – Скажи-ка, а он что же, вел блог под своим собственным именем?

– У него был ник, – сказал Женька, не понимая, к чему он клонит. – Ник-нейм. Ну, вроде псевдонима...

– Да понял, не дурак, – нетерпеливо произнес Шмяк и снова приложился к фляжке. – Ну?

– Спасатель, – сказал Женька. – Так он подписывал свои статьи. А когда он пропал, кто-то из его знакомых бросил клич в Сети: так и так, пропал известный блогер Спасатель, он же свободный журналист Андрей Липский... Стойте, – вдруг сообразив, к чему с самого начала подталкивал его собеседник, перебил он себя, – это что же получается? Если на него напали

не случайно, а из-за статей о золоте партии, значит, кто-то его сначала вычислил – взломал сервер, на котором хранятся регистрационные данные, узнал настоящее имя и адрес...

– Так-так, – с довольным видом подбодрил его Шмяк. – Соображаешь, Иваныч! Я так и знал, что башка у тебя светлая. Валяй соображай дальше. Только сперва скажи: взломать сервер – это сложно?

– Не то чтобы пара пустяков, но я бы, к примеру, справился, – ответил Женька. – А опытному хакеру это раз плюнуть. Только...

– Ну-ну?

Шмяк оттолкнул пустую тарелку, утерся салфеткой, встал из-за стола и стал прохаживаться по комнате, держа в одной руке открытую фляжку, а в другой сигарету, которая опять появилась у него в пальцах словно бы прямо из воздуха.

– Я хочу сказать, что, чтобы опытный хакер стал заниматься такой ерундой, у него должен быть какой-то серьезный мотив, – размышляя вслух, неуверенно произнес Женька. – Какой-нибудь пацан лет десяти-двенадцати мог бы влезть в сервер случайно, из озорства – что подвернулось, то и взломал, я раньше тоже пару раз так делал. Но Спасателя избил не пацан двенадцати лет. Значит, это были конкретные, серьезные люди. А тогда получается...

– И что тогда получается? – азартно дымя сигаретой, поинтересовался Шмяк. Фляга снова показала потолку блестящее донышко, издав характерное бульканье, запах коньяка усилился.

– Получается, что насчет золота партии Спасатель был прав, – сказал Женька. По ощущениям это напоминало прыжок с десятиметровой вышки темной ночью, без луны и звезд, без понятия, наполнен ли бассейн водой и есть ли он вообще, этот бассейн. Детство Женьки Соколкина кончилось рано, и в своем нежном по нынешним временам возрасте он точно знал, что разбрасываться направо и налево скороспелыми мнениями и выводами не только предосудительно, но зачастую еще и опасно. Однако сказать в этой ситуации что-то другое просто не получалось, потому что дважды два – это всегда четыре, а не пять и не восемнадцать с какой-нибудь дробью. – Получается, золото на самом деле было, его на самом деле вывезли и оно до сих пор лежит где-то, откуда его можно достать. И кто-то, кто не догадывается об этом, а точно знает, прочтя статьи Спасателя, решил, что это журналистское расследование пора прикрыть.

– Красиво получилось, правда? – с непонятной интонацией сказал Шмяк. Далеко запрокинув голову, он слил в разинутый рот остатки коньяка, крикнул, вздохнул и сунул опустевшую фляжку в карман халата. – Остается только снарядить экспедицию и откопать эту кучу золотых слитков. Думаю, вам с матерью пара миллиончиков в твердой валюте вряд ли помешала бы. А?

– Бэ, – невежливо огрызнулся Женька. Шмяк угадал его мысли, и это было неприятно, потому что мысли были глупые, детские – не мысли, собственно, а пустопорожные мечты о несбыточном. Это все равно что мечтать найти бесхозный чемодан с деньгами или волшебную палочку – мечтай сколько влезет, а что толку? Сам ведь знаешь, что ни бесхозных денег, ни тем более волшебных палочек в природе не существует. – Мало ли что мне не помешало бы! Мало ли где сколько золота лежит! Вон, в любом банке этих миллиончиков полным-полно, а мне-то с них какой навар? Это золото, если и есть, то, как говорится, не про нашу честь. Не с моим везением клады искать. Особенно те, которые какой-то журналист из головы выдумал.

– Ну вот, – с преувеличенным огорчением сказал Шмяк. На его блеклых губах, которые бледным пятном выделялись на побагровевшей от выпивки, заросшей колючей седой щетиной физиономии, играла странная улыбка – не насмешливая и не мрачная, но и не сказать, чтобы добрая. – Ты, Иваныч, как-то определился. А то тебя не поймешь: то у тебя Спасатель – борец за правду, то – выдумщик, мистификатор... Или, говоря по-русски, враль, каких мало.

– А откуда мне знать? – резонно возразил Женька. – А главное, зачем? Где я, а где золото партии...

Оттолкнувшись от подлокотников кресла, в котором сидел, он встал и начал прибирать со стола грязную посуду. Снаружи сквозь пелену начинающейся метели донесся гудок автомобиля, просившего, чтобы его впустили на территорию. Женька покосился на часы. Пересменка была утром; фургон, подвозивший продукты, уехал полтора часа назад, а мусоровоз всегда приезжал вечером, примерно в половине восьмого. Вероятнее всего, за воротами стояла легковая машина, доставившая в пансионат очередного богатенького страдальца, решившего, что ему пора избавиться от вредных привычек и подлечить нервы.

– Не скажи, – подходя к окну и осторожно, как какой-нибудь шпион, выглядывая из-за занавески, возразил Шмяк. – А вдруг он прав? А вдруг это золото ближе, чем ты думаешь? Знаешь, был когда-то такой министр внутренних дел – не России, а еще СССР – Борис Карлович Пуго...

Он почему-то замолчал. Когда пауза затянулась, Женька оторвал взгляд от составляемых на поднос грязных тарелок и посмотрел на него.

Шмяк стоял, комкая в кулаке занавеску и вряд ли это замечая, весь подавшись вперед, словно хотел выпрыгнуть в окошко прямо сквозь тройное закаленное стекло. Его широкая физиономия, еще минуту назад пылавшая, как запрещающий сигнал светофора, приобрела пугающий грязно-серый с прозеленью цвет, глаза сузились, как у охотника, высматривающего дичь. Терзая рукой свободный ворот халата, как будто тот вдруг стал ему тесен, Шмяк смотрел во двор, где хлопали дверцы подъехавшего автомобиля и слышались неразборчивые людские голоса.

2

«...Удалось переговорить со старым железнодорожником, который был свидетелем событий двадцатилетней давности. По его словам, в разгар путча, а именно 20 августа девяносто первого года, на станцию «Москва-Сортировочная» прибыл опломбированный вагон с загадочным спецгрузом. Откуда именно он прибыл, свидетелю неизвестно; что он может с уверенностью утверждать, так это что вагон не был загружен на станции, а подан маневровым тепловозом и прицеплен к следующему в восточном направлении грузовому составу уже опломбированным. Можно с известной долей уверенности предположить, что этот таинственный вагон прибыл на «Москву-Сортировочную» по одной из редко используемых железнодорожных веток, которыми, как кровеносными сосудами, пронизана вся Москва. Некоторые из этих веток уходят под землю, и до сих пор лишь немногим посвященным известно, куда они ведут».

Откинувшись в кресле, Андрей вытряхнул из лежащей на краю рабочего стола пачки сигарету и рассеянно постучал фильтром по недавно вставленным зубным протезам, словно проверяя их на прочность. Глаза его при этом скользили по строчкам, выискивая погрешности и шероховатости. Текст был сыроват, но время для чистовой отделки еще не настало: сначала следовало изложить факты, сплести их в единое, неразрывное целое со своими выводами и предположениями.

Тяжелые, плотные шторы на окне были задернуты. Между ними оставалась лишь узкая щель, в которой брезжил серенький полусвет пасмурного февральского дня. Судя по его интенсивности, снаружи либо шел, либо готовился вот-вот пойти снег. Сухие трескучие морозы, которые принес сибирский антициклон, уже ослабели, погода стояла мягкая, пасмурная, с частыми снегопадами, превращавшими улицы и дворы огромного мегаполиса в непролазный, почти непреодолимый лабиринт. Выходя на улицу, Андрей всякий раз завидовал паркурщикам, которые могли передвигаться из точки А в точку Б лихо, как обезьяны, сигая по перилам и карнизам. В юности, которая была не так уж и давно, он много занимался спортом; мозг об этом помнил, а вот тело, изнеженное сидячей работой, уже начало забывать, и мечты освоить

этот новомодный вид экстремального городского спорта так и оставались мечтами – смутными, не до конца осознанными и вряд ли осуществимыми.

Щелкнув зажигалкой, Андрей закурил. Табачный дым за клубился в конусе яркого света, отбрасываемого настольной лампой на гибкой ноге, которая была опущена низко, почти к самой клавиатуре, толкнулся в экран ноутбука, разбился об него, как волна о береговой утес, и растекся по гладкой поверхности. Крупинка невесомого серого пепла упала на черную клавишу с литерами П и G; сдув ее, Андрей сунул сигарету в угол губ и, шурясь от дыма, вернулся к работе. Он печатал двумя пальцами, с избыточной силой ударяя по клавишам, – привычка, выработанная во времена, когда работать приходилось на старенькой пишущей машинке с пересохшей лентой, и оказавшаяся неистребимой. Строчки, удлиняясь, поползли по голубовато-серому светящемуся прямоугольнику экрана.

«В то время мой собеседник работал сцепщиком – или, выражаясь языком штатного расписания, составителем поездов. Будет нелишним добавить, что говорить со мной о событиях тех дней он согласился, только получив твердые гарантии анонимности. С тех пор минуло двадцать лет, срок подписки о неразглашении, которую он дал, давно истек. В наши дни многие люди лезут из кожи вон, стремясь привлечь к себе внимание. Так откуда такая скромность? Я знаю ответ, потому что видел глаза этого человека. В них навсегда застыл испуг...»

Глубоко затянувшись, Андрей, не глядя, ткнул окурком в переполненную пепельницу и решительно удалил последнюю фразу. «Навсегда застыл испуг» – это было не то. Испуг навсегда застыл в глазах людей, переживших сталинские репрессии, – как правило, не тех, кто сам был репрессирован или потерял в то лихое время родственников, а тех, кто долгие годы трясся от страха под одеялом, прислушиваясь к шагам на лестнице. Старый пьяница, которого ему ценой немалых усилий и финансовых затрат удалось отыскать в подмосковном дачном поселке, где тот работал сторожем, вовсе не выглядел пугливым и нервным, пока не понял, о чем идет речь. Вот тогда он испугался, да еще как! Андрей обещал не упоминать его имя, но разговорить старика удалось только при помощи бутылки портвейна, и притом не одной.

«Стоило мне упомянуть об августовском путче, как в этих глазах появилось понимание того, что излишняя откровенность может очень дорого обойтись. Для меня, лично, выражение его глаз стало лишним подтверждением тому, что тему событий тех августовских дней девяносто первого закрывать рано. Ничего не кончилось; участники упомянутых драматических событий в большинстве своем живы, здоровы и остаются активными, а зачастую еще и очень опасными членами социума.

Итак, опломбированный почтово-багажный вагон возник на запасных путях станции «Москва-Сортировочная» словно бы ниоткуда. Когда мой собеседник впервые его увидел, тот уже был оцеплен бойцами спецназа внутренних войск МВД в полной боевой экипировке – в бронежилетах, касках, с автоматами наперевес и с вещмешками на плечах. Характерно, что все это войско убыло из столицы тем же грузовым поездом, в плацкартном вагоне, специально прицепленном к составу. По словам моего собеседника, внутри опломбированного вагона тоже кто-то находился – из трубы, выведенной наружу через торцовую стенку вагона, поднимался дымок, и пахло стряпней – свидетель уверяет, что пшенной кашей с говяжьей тушенкой. Солдатами командовал человек в штатском, одетый вполне демократично – в джинсы, кроссовки, светлую рубашку и, несмотря на стоявшую в тот день жару, легкую спортивную куртку, под которой, по твердому убеждению рассказчика, скрывалась наплечная кобура. Лет ему было около сорока, и мой собеседник слышал, как один из солдат назвал его товарищем полковником. Оба вагона были прицеплены к составу, следующему в Казань, то есть, как уже говорилось выше, в восточном направлении. Нет нужды говорить о том, что никаких документов, подтверждающих отправку специального груза из Москвы и прибытие его в Казань, мне обнаружить не удалось, – вероятнее всего, их просто никогда не существовало. Так что же было

вывезено из столицы в обстановке строжайшей секретности в те тревожные августовские дни? Сколько таких вагонов ушло из Москвы во все концы Советского Союза? Кто за этим стоял?»

Андрей зажег новую сигарету, включил, протянув руку, заранее заряженную всем необходимым кофеварку, а потом встал и энергично прошелся по комнате, разминая затекшие ноги. Он чувствовал подъем и желание работать – не просто работать, а гнать галопом, с трудом поспевая неуклюжими пальцами за бешено несущимися мыслями. Так бывало – раньше почаще, теперь намного реже, – когда работа сдвигалась с мертвой точки и начинала идти словно бы сама по себе, без его участия. Это напоминало езду на тяжелых санях – сначала их приходилось мучительно, с кряхтением и руганью сквозь зубы, толкать в гору, а потом, перевалив гребень, оставалось только запрыгнуть в них и мчаться с ветерком, надеясь, что на пути не подвернутся какое-нибудь дерево или валун. Марта в их лучшие дни почти все-речь утверждала, что это происходит, когда у него «открываются чакры», – дескать, преодолев некое сопротивление, он устанавливает прямую одностороннюю связь с космосом и черпает вдохновение прямо оттуда, из высших сфер. И иногда Андрею начинало казаться, что так оно на самом деле и есть.

Из ванной доносилось размеренное, как метроном, действующее на нервы шлепанье капель, падающих в раковину из протекающего крана. Водопроводчик спешил на вызов уже третий день и все никак не мог добраться до квартиры Андрея. Липский подумал, что такая оперативность заслуживает вознаграждения в виде хорошего пинка под зад. Более конструктивная идея – просто выйти в прихожую и плотно закрыть дверь ванной – осталась неосуществленной, потому что он неосторожно посмотрел на свое рабочее место.

Освещенный лампой участок захламленного письменного стола с тихонько шелестящим ноутбуком притягивал взгляд. Клавиши властно манили к себе, и Липский не стал сопротивляться. Передвинув тлеющую сигарету в угол рта – как всегда, в левый, потому что привык именно так, а не иначе, – он вернулся за стол и занес ладони над припорошенными пеплом клавишами.

«В связи с последним вопросом хочется вспомнить о судьбе тогдашнего министра внутренних дел СССР Бориса Карловича Пуго. Почему именно его? Напомню, что ушедший со станции «Москва-Сортировочная» 20 августа опломбированный вагон сопровождали военнослужащие внутренних войск МВД. Кроме того, Б. Пуго был единственным членом ГКЧП, для которого провал путча ознаменовал конец не только политической и административной карьеры, но и жизни. 22 августа группа, выехавшая на дом к Пуго для его ареста, обнаружила его лежащим на кровати в спальне без признаков жизни. Его жена лежала рядом; в момент прибытия группы она была...»

Андрей непроизвольно вздрогнул, когда стоявшая в полуметре от него кофеварка вдруг разразилась астматическими хрипами, кашлем и сипением. Из сливного конуса повалил горячий, со злыми брызгами пар и в подставленную чашку, журча, потекла витая струйка жидкости, цветом напоминающей торфяную жижу. Нетерпеливо морщась, Липский дал ей стечь, нажатием клавиши выключил кофеварку и переставил чашку на заменяющую салфетку сложенную газету. Оставленные на поверхности стола горячим доньшком белесые кольца свидетельствовали о том, что свободный журналист Липский относится к породе людей, склонных запирать сарай после того, как оттуда увели лошадь. На кончике сливного конуса вздулся коричневый пузырь, как будто прятывшийся внутри лилипут-стеклодув вознамерился изготовить пивную бутылку темного стекла. Пузырь беззвучно лопнул, превратившись в коричневую каплю, которая тихо упала в поддон кофеварки. Андрей осторожно, боясь обжечься, отхлебнул из чашки, крякнул и продолжил писать с того места, на котором остановился:

«...еще жива, но через час, не приходя в сознание, скончалась в больнице. По официальной версии, Б. Пуго выстрелил в жену, после чего застрелился сам. Однако, по словам входившего в состав группы Г. Явлинского, пистолет, из которого были застрелены супруги, лежал на

прикроватной тумбочке – там, куда мертвый министр физически не мог его положить. Тот же источник утверждал, что в комнате было обнаружено не две, а три гильзы. Через месяц находившийся в квартире в момент самоубийства девяностолетний тесть Б. Пуго якобы признался, что пистолет на тумбочку положил он. Зачем он это сделал и почему молчал целый месяц, остается только гадать – он сам, его дочь и его зять ныне находятся в местах, с которыми нет устойчивой телефонной связи и откуда никто не может явиться для повторной дачи показаний. Как бы то ни было, обстоятельства смерти министра внутренних дел Пуго в свете истории с опломбированным вагоном представляются...»

Из прихожей, снова заставив его вздрогнуть, послышалась переливчатая трель дверного звонка. Звонили настойчиво – сначала с короткими паузами, а потом и вовсе непрерывно, – и Андрей без труда, даже не закрывая глаз, представил себе пьяненького сантехника, который стоя, как лошадь, дремлет перед его дверью, используя кнопку звонка в качестве дополнительной точки опоры.

Досадливо крикнув (до чего же не вовремя!), он встал и под несмолкающее электронное пиликанье вышел в прихожую, с порога бросив прощальный взгляд на уютно освещенный низко опущенной лампой стол с компьютером, который с прежней властной настойчивостью манил его к себе.

3

Оставив в покое посуду, про которую было точно известно, что она никуда не убежит, Женька подошел к окну, чтобы посмотреть, на что так уставился Шмяк, – уж очень необычно, даже жутковато он сейчас выглядел. Строго говоря, в этой ситуации следовало бы позвать кого-нибудь из медицинского персонала, но Шмяк пока что не собирался падать на ковер и отдавать концы – так, по крайней мере, показалось Женьке.

Во дворе, в паре метров от парадного крыльца, стоял густо облепленный грязным снегом красный минивэн с черно-желтыми шашечками на борту и оранжевым плафоном с буквой «Т» на крыше. Его боковая откатывающаяся дверь была открыта. На недавно очищенных от снега и уже успевших покрыться тонким слоем свежей пороши цементных плитах дорожки стояло инвалидное кресло какой-то мудреной, доселе невиданной конструкции – судя по некоторым признакам, не простое, а самоходное, на электрической тяге. У него были колеса с толстыми шинами и сверкающими хромированными спицами и удобно изогнутое по форме тела, прямо как в гоночном автомобиле, сиденье из стеганой кожи. Женьке немедленно захотелось на нем прокатиться; изобретательный ум пятнадцатилетнего подростка тут же начал прикидывать различные варианты осуществления этой идеи, но Женька заставил себя выкинуть блажь из головы: можно было не сомневаться, что главврач Семен Тихонович обо всем узнает (потому что не надо забывать о камерах наблюдения, которыми буквально нашпигованы и здание пансионата, и прилегающая к нему территория), и то, что он узнает, ему, мягко говоря, не понравится.

Двое мужчин, один из которых был приятель Женьки, охранник Николай, а другой – незнакомый коренастый мужик в ярко-оранжевом пуховике и косматой волчьей шапке, на руках вынесли из машины и бережно усадили в кресло его владелицу. Это была хрупкая, чтобы не сказать тощая, дама лет под шестьдесят – то есть, с точки зрения Женьки Соколкина, глубокая старуха, которой уже поздно заботиться о здоровье и избавляться от вредных пристрастий. Она была одета в длинное черное пальто с пушистым воротником из чернобурки и шапку из того же меха, поверх которой был повязан белый пуховый платок. На руках у бабуся были белые вязаные варежки с каким-то узором, а на ногах – лаковые полусапожки. Эта легкая не по сезону обувь слегка удивила Женьку, но потом он сообразил, что ноги у старухи парализованы и ничего не чувствуют, и перестал удивляться.

Куда более достойной удивления была реакция Шмяка на прибытие этой безобидной старушечки. Женька готов был спорить на что угодно, что Шмяк испугался до полусмерти. Его странное поведение давно наводило на всякие мысли и подозрения, и, увидев, как он тарашится в окно, Женька, грешным делом, ожидал обнаружить во дворе источник серьезной опасности – в зависимости от того, какими делами ворочал на воле Шмяк, либо полицейскую группу захвата, либо компанию вооруженных бандитов в черном джипе. Но там не было никого, кроме парализованной бабуся в самодвижущемся инвалидном кресле, ее спутника в мохнатой шапке и Николая, пугаться которого у Шмяка не было никаких причин. Вариантов объяснения Женьке виделось два: либо причиной испуга стал приехавший со старухой тип в оранжевом пуховике, либо Шмяк, который сегодня пьянствовал с самого утра, допился наконец до белой горячки, и ему начали мерещиться черти – для разнообразия не по углам, а снаружи, во дворе.

Старуха сделала нетерпеливый жест рукой, и мужчины, грузившие ее в кресло, отступили в стороны. Человек в оранжевом пуховике заговорил с Семеном Тихоновичем, который вышел встречать новую пациентку в наброшенном поверх белого халата пальто и с непокрытой головой. Его сопровождала старшая медсестра Изольда Вениаминовна. Вдвоем с Николаем она вознамерилась было помочь старухе въехать на крыльцо по пандусу, но та опять нетерпеливо отмахнулась и что-то сказала – судя по тому, как отпрянула Изольда, что-то довольно неприятное.

Ладонь в белой варежке легла на пульт управления креслом и сдвинула вперед рычаг, колеса повернулись, поблескивая хромированными спицами, и кресло легко покатило вверх по наклонному пандусу. Почти на самом верху под колесо попал отставший от чьей-то подошвы ошметок спрессованного снега; кресло забуксовало, Семен Тихонович и Николай наперегонки бросились на подмогу, но старуха, упрямо закусив губу, сильнее надавила на рычаг, и кресло, вильнув, преодолело последние сантиметры подъема и вкатилось на крыльцо. Следом под скрывший старуху от глаз Женьки навес нырнула Изольда Вениаминовна, и Соколкин услышал, как внизу хлопнула входная дверь. Продолжая что-то обсуждать на ходу, за старухой последовали ее спутник и Семен Тихонович. Николай подхватил косо торчащую в сугробе деревянную лопату, забросил ее на плечо и отправился чистить дорожки. Смотреть во дворе стало не на что, если не считать одиноко торчавшего напротив крыльца такси, из приоткрытого окошка которого ленивыми струйками выползал, смешиваясь с мглистой дымкой ненастья, сигаретный дымок.

Шмяк повернулся к Женьке, казалось только теперь заметив его присутствие. Он понемногу приходил в норму: щеки порозовели, поджатые губы расслабились, и мутноватые, розовые от выпитого коньяка глаза смотрели как обычно, больше не напоминая парочку нащупывающих цель орудийных дул.

– Видал, какая фря прикатила? – с непонятной интонацией обратился он к Женьке. – Вот же с-с-с... Слушай, Иваныч, не в службу, а в дружбу! Покрутись-ка ты, браток, в коридоре, разнюхай, будь добр, что это за дамочка такая, как зовут, с каким диагнозом поступила, в какой палате ее разместили...

– Зачем? – набравшись нахальства, спросил Женька.

– Г-кхм, – откашлялся Шмяк. – Да как тебе сказать... Поухаживать за ней хочу. А что? Делать-то все равно нечего! Глядишь, женюсь на старости лет. В свидетели пойдешь?

– У меня еще паспорта нет, – принимая игру, напомнил Женька.

– Это ничего, – утешил его Шмяк. – Мы невесту попросим, чтоб чуток потерпела. Тем более что поспешишь – людей насмешишь. Верно?

Женька в ответ лишь пожал плечами. Все это было донельзя странно и непонятно. Но, как уже неоднократно упоминалось выше, Женька Соколкин в свои неполные шестнадцать лет

был достаточно взрослым, чтобы понимать: жизнь полна вопросов, на которые нет, а зачастую и не может быть ответов.

4

Сунувшись к дверному глазку и ничего не увидев, Андрей вспомнил, что на лестничной площадке как раз сегодня утром перегорела лампочка. Судя по наблюдаемой в глазок картине – точнее, по полному ее отсутствию, – штатный электрик управляющей компании тоже не торопился приступить к выполнению своих прямых обязанностей. «До вечера не явится – сам вкручу, – сердито подумал Липский. – А потом не поленюсь накатать жалобу. Накатаю, пойду в управляющую компанию и лично скормлю директору. Затолкаю прямо в эту сытую наглую рожу и заставлю проглотить, чтобы впредь неповадно было...»

– Кто? – спросил он, дождавшись паузы в несмолкающем трезвоне.

– Слесаря вызывали? – слышалось в ответ из-за двери.

Андрею немедленно вспомнился бородатый, жутко матерный, совершенно бессмысленный, но довольно смешной анекдот. Он был построен в форме монолога и начинался словами: «Слюсаря вызывали?» Отпирая замок, он вспомнил еще, что впервые услышал этот анекдот классе, наверное, в шестом – то есть в возрасте двенадцати-тринадцати лет, – и поразился тому, как бережно человеческая память хранит всякий мусор. Законы Ньютона проходят примерно в этом же возрасте, а поди-ка вспомни сейчас хоть один! Дудки! Зато анекдот про «слюсаря» – вот он, тут как тут...

Он открыл дверь и машинально отступил на шаг, поначалу всего лишь слегка удивившись. В следующий миг удивление уступило место другому, куда более неприятному чувству – сосущему, тягостному чувству страха и бессилия. Судя по всему, его давешние неприятности были только цветочками; теперь настало время собирать урожай, в связи с чем на ум ему пришел вполне резонный, но абсолютно бессмысленный вопрос: как, черт возьми, они пронюхали?

Причин этой бури отрицательных эмоций наблюдалось сразу несколько. Прежде всего, свет на лестничной площадке таки горел, из чего следовало, что на электрика Андрей грешил совершенно напрасно. Далее, «слюсарей» за дверью обнаружилось целых два, и одеты они были почему-то не в засаленные (да пусть себе даже и чистые) рабочие ватники, а в тонкие черные полупальто из шерсти австралийских мериносов. Никаких инструментов, необходимых для починки крана, при них не оказалось; гости были разного роста и телосложения, имели различный цвет волос – у одного темно-русый, у другого черный, как вороново крыло, – но из-за одинаково бесстрастного, как у каменных идолов, выражения лиц смотрелись, как одной-цевые близнецы.

Опомнившись, Андрей попытался захлопнуть дверь, но было поздно: тот из «слюсарей», что был повыше и русой масти, легко пресек эту попытку, удержав дверное полотно рукой в тонкой кожаной перчатке. Чернявый шагнул вперед, тесня Андрея вглубь прихожей и, не дав себе труда поздороваться, бесцветным голосом произнес:

– Господин Липский? Одевайтесь.

Из этой реплики можно было сделать сразу два вывода, вернее, целых три, если прибавить сюда нехитрое заключение, к которому Андрей пришел сразу же, как только открыл дверь: это не водопроводчики. Второй вывод был такой: его изыскания на Московской железной дороге не остались незамеченными. И третий: убивать его пока не собирались, а если собирались, то не здесь.

– И не подумаю. Кто вы такие? – перешел он в контратаку, попутно прикидывая, сколько еще зубов ему придется вставить после этой беседы.

Вместо ответа русоволосый шагнул через порог, аккуратно закрыл за собой сначала наружную дверь, потом внутреннюю и только после этого спокойно сообщил:

– Две минуты на сборы.

– Очень приятно, – мысленно ужасаясь тому, что мелет его сорвавшийся с привязи язык, съязвил Андрей. – Кто же из вас первая минута, а кто вторая?

Мимоходом он сообразил, что упустил момент, когда можно было позвать на помощь. Он ненавидел отвлекающие от работы посторонние звуки и потратил немало денег, времени и сил, обеспечивая максимальную степень звукоизоляции своей квартиры. Теперь эти труды обернулись против него: после того как русоволосый закрыл двери, он мог орать, пока не сорвет голос, без малейшего шанса быть услышанным.

И это, как и светлые кольцевые отпечатки на крышке письменного стола, свидетельствовало о том, что Андрей Липский, как всякий истинно русский человек, крепок задним умом.

– Время пошло, – оставив без внимания его неуместную шутку, сказал чернявый. – Через... – он посмотрел на часы, – через минуту и сорок секунд мы выведем вас отсюда как есть, хотя бы и в нижнем белье.

– А на улице, между прочим, минус восемнадцать, – напомнил русоволосый.

– Я никуда не пойду, – упрямо набычился Андрей. – Хотите мочить – мочите здесь.

– Мочить, – повторил русоволосый таким тоном, словно слышал это слово впервые и даже не догадывался, что оно означает. – Какой лексикон! стыдно, господин Липский. А еще интеллигентный человек.

– И даже не негр, – подхватил чернявый. – Может, еврей?

– Что? – слегка опешил Андрей. – При чем тут...

– Ну как же, – с охотой пустился в объяснения чернявый. – Негры, чуть что не по ним, сразу вопят: помогите, расовая дискриминация! А евреи подхватывают: антисемитизм! Между прочим, – добавил он, снова посмотрев на часы, – у вас осталась всего минута. Джинсы худо-бедно сойдут, но вот тапочки... гм...

Пока он говорил, русоволосый непринужденно протиснулся мимо Андрея, прошел в комнату, выдернул из корпуса ноутбука штекер блока питания, опустил крышку и сунул компьютер под мышку. Осатанев от такой наглости, Андрей ринулся к нему. Он плохо представлял себе, что намерен сделать, каким, собственно, образом собирается воспрепятствовать чинимому на его глазах беззаконию. Перед глазами, как наяву, встала следующая картинка: он подскакивает к русоволосому, хорошенько размахивается и изо всей силы бьет его кулаком в челюсть. Ушибленную, а может быть, и вывихнутую кисть пронзает дикая боль, он сгибается пополам, баюкая между колен поврежденную конечность, а русоволосый, удивленно глядя на него с высоты своего гренадерского роста, с легкой укоризной говорит: «стыдно, господин Липский. А еще интеллигентный человек!»

Проверить, как оно все могло бы получиться на самом деле, ему не дали. Держа под мышкой помаргивающий индикатор спящего режима ноутбук, русоволосый свободной рукой вынул из кармана пальто газовый баллончик и указательным пальцем нажал на головку распылителя. Андрей упал на колени и скорчился, заходясь мучительным кашлем и сандаля кулаками слезящиеся глаза.

– Беда с этими интеллигентами, – глухо, поскольку говорил в перчатку, которой прикрывал лицо, произнес у него за спиной чернявый. – Видит, что деваться некуда, а все равно дрыгается. Потому что в книжках, по которым он жить учился, написано, что сдаваться нельзя – стыдно. Гордый!

– Это не гордость, – так же глухо отозвался русоволосый, – это – гордыня. Как говорят в Одессе, две большие разницы. Вставайте, Липский, – твердой рукой беря ослепленного, кашляющего и шмыгающего носом Андрея под локоть, добавил он. – И перестаньте, наконец, разыгрывать из себя героя. Вас никто не собирается ставить к стенке, так что и «Орленка» запевать незачем. С вами просто хотят поговорить. Причем, насколько мне известно, по интересующему вас вопросу.

Отпущенные Андрею на одевание две минуты уже наверняка истекли, но «слюсары» не стали выполнять угрозу чернявого силой вынести его из квартиры босиком и в нижнем белье. Вместо этого его сопроводили в ванную, заставили умыться холодной водой, помогли обуться, надеть пуховик и шапку, сунули в руки теплые перчатки и только потом, поддерживая под руки, вывели на лестничную площадку. Сквозь собственный кашель он слышал, как в дверном замке трижды провернулся ключ, после чего кто-то аккуратно опустил в карман его пуховика знакомо звякнувшую связку. Громыхнули, открывшись, двери подъехавшего лифта, и известный блогер Андрей Липский, ничего не видя перед собой, вошел в кабину, уверенный, что отправляется пожинать горькие плоды своей любознательности.

5

Выполнить поручение Шмяка оказалось нетрудно. Собственно, отправляясь на разведку по его заданию, Женька не ждал каких-либо сложностей, и сложностей не возникло. Спустившись на первый этаж (ибо простая логика подсказывала, что заставить старуху в инвалидном кресле карабкаться по лестнице на второй могли бы только какие-нибудь фашисты, каковых среди персонала пансионата, слава богу, не наблюдалось), он успел увидеть, как кресло с бабусей скрылось в дверях четвертой палаты. На ходу кресло негромко жужжало, подвывало и пощелкивало какими-то реле, как робот из старого научно-фантастического фильма.

Номер четыре, как и все остальные номера в пансионате, представлял собой комфортабельный люкс с отдельным санузлом, телевизором и всем прочим, чем обычно оборудованы люксы в гостиницах средней руки, за исключением разве что телефона, который постояльцы при известной доле умения и фантазии могли использовать во вред своему хрупкому, подорванному пороками и излишествами здоровью. Отсутствие связи с внешним миром было одним из не подлежащих обсуждению условий приема больных на излечение. Правда, пример Шмяка с его неиссякаемым запасом сигарет и спиртного убеждал в том, что нет правил без исключений, но Женька понимал: кто платит, тот и заказывает музыку. Семен Тихонович берет деньги вперед, и берет немало. И если Шмяку угодно пускать псу под хвост щедро оплаченные из собственного кармана услуги опытных специалистов, это его проблемы, его личное дело. А у Семена Тихоновича и его коллег хватает забот с теми, кто действительно хочет вылечиться.

Впрочем, к порученному Женьке Соколкину делу планировка и обстановка палаты номер четыре не имели никакого касательства. Притаившись за углом, он подождал, пока сопровождавшая старуху Изольда Вениаминовна помогла ей раздеться и обосноваться на новом месте, а когда старшая сестра вышла из палаты, покинул свое укрытие и будто бы случайно загородил ей дорогу. В руках у него был поднос с грязной посудой, оставшейся после того, как пообедал Шмяк, путь на кухню лежал как раз мимо четвертого номера, так что выглядело все вполне естественно.

Изольда Вениаминовна шагнула вправо, чтобы пропустить навьюченного посудой Женьку, и тот будто бы невзначай, по оплошности тоже шагнул вправо, преградив ей путь. Извинительно улыбаясь, старшая сестра шагнула влево, и Женька, чувствуя, что эта глупая игра начинает его увлекать, повторил ее маневр. Осознав, что ситуация становится тупиковой, Изольда Вениаминовна застыла на месте и рассмеялась.

– Эдак мы с тобой до вечера не разойдемся! – с улыбкой сказала она.

– Извините, – произнес Женька.

– Чепуха, бывает, – отмахнулась Изольда. Она была хорошая тетка, веселая и ни капельки не злая, хотя младший медицинский персонал пансионата боялся ее как огня. Старшая медсестра – как армейский ротный старшина, вся ответственность за порядок и дисциплину лежит на ней, и тут, как в армии, без строгости не обойтись. Во всем, что касалось санитарии, гиги-

ены, соблюдения режима и предписаний, авторитет Изольды Вениаминовны был, пожалуй, даже чуточку выше, чем у главврача. – Как там наш Шмяк, не обижает тебя?

– Нормально, – сказал Женька, привычно умолчав о том, что упомянутый Изольдой пациент в эту минуту находится где-то на полпути к белой горячке. – А что это за бабуся к нам привезли? Кресло у нее прикольное!

Изольда вздохнула – как показалось, грустно.

– Эх, Евгений, Евгений, – сказала она с легким упреком. – Ну, ничего, у тебя еще все впереди. Подрастешь – поймешь, что человек в инвалидном кресле – это ни капельки не прикольно. А заодно – что женщина в пятьдесят четыре года еще далеко не бабуся.

– Да я и не говорю, что она прикольная, – набычился Женька. – Я же про кресло... Вот бы прокатиться!

Вопрос о возрастной терминологии он дипломатично опустил. С его точки зрения, пятьдесят четыре года мало чем отличались от ста четырех. Как большинство молодых, физически и морально здоровых людей, Женька по этому поводу придерживался сразу двух, причем прямо противоположных, мнений: с одной стороны, подсознательно был уверен, что будет жить вечно, а с другой – так же искренне верил, что доживать до такой глубокой дряхлости – пятьдесят четыре года, подумать только! – человеку незачем.

– И думать забудь, – строго сказала Изольда. – Увижу – мало не покажется, самого инвалидом сделаю. Накатаешься у меня тогда! И запомни: ее зовут Анна Дмитриевна. Фамилия – Веселова. Запомнил? А то, не ровен час, в глаза бабусей назовешь.

– Алкоголичка? – с видом знатока осведомился Женька.

Он чувствовал, что слегка перегибает палку, но Шмяк велел выяснить о новой пациентке все, в том числе и диагноз. А как ты его выяснишь за такое короткое время? Лучше уж получить выволочку от Изольды, чем быть взятым с поличным при попытке заглянуть в историю болезни, которая хранится у главврача в сейфе...

– Какая муха тебя сегодня укусила? – изумилась Изольда. – Зачем же, ничего не зная о человеке, говорить о нем гадости?

– Я же просто спросил! – запротестовал Женька. – И никакие не гадости, здесь у половины пациентов в историях болезни еще и не такое написано...

– Ничего такого в ее истории не написано, – сказала Изольда. – Просто жизнь у нее нелегкая, вот нервишки и подрастрепались. Никакой патологии, всего лишь маленький нервный срыв. Подлечится, отдохнет и будет как новенькая. А ты, прежде чем диагнозы ставить, выучись сперва – школу окончи, потом медицинский, интернатуру...

– Магистратуру, аспирантуру, кандидатуру-профессуру... – нараспев затянул Женька, потихонечку трогаясь в путь в обход Изольды. – Я в народные целители пойду, туда без диплома принимают!

– Ступай уже, шарлатан! – снова рассмеялась Изольда Вениаминовна. – Беги, пока я тебе на диплом, из которого ноги растут, красную печать не поставила!

И сделала вид, что собирается шлепнуть Женьку по упомянутому месту. Хихикнув, Женька резво подобрал зад и ускорил шаг.

Ближе к вечеру, покончив с делами, которых сегодня оказалось немало, он поднялся на второй этаж и, остановившись перед дверью занимаемого Шмяком двенадцатого номера, бодро простучал по филенке условный сигнал – два тире, три точки – семерку.

– Кто? – спросил из-за двери Шмяк.

– Конь в пальто, – ответил Женька.

На языке его одноклассников это называлось «борзануть». Пароль в этот раз был «Вихри враждебные», отзыв – «Повеют и перестанут», но Женьке все эти шпионские страсти как-то вдруг надоели, и он решил, что настало время уведомить об этом Шмяка.

И, как ни странно, Шмяк превосходно все понял.

Замок дважды мягко шелкнул, дверь отворилась, и Шмяк впустил Женьку в комнату, вопреки обыкновению даже не попытавшись высунуться в коридор и осмотреться.

Продолжая ломать устоявшиеся традиции, он сам забрал у Женьки поднос со своим ужином и лично поставил его на стол. К немалому удивлению Соколкина, он был трезв – пускай не как стеклышко, но все-таки трезв, а не пьян в стельку, как можно было ожидать.

– Жрать хочешь? – деловито спросил он.

– Нет, – так же деловито ответил Женька.

Это была правда. Последние два часа он провел на кухне, по просьбе тети Тани помогая ей с посудой и чисткой картошки, и по ходу дела наелся так, что почти всерьез побаивался лопнуть.

– Тогда докладывай, – усаживаясь за стол и вооружаясь вилкой, потребовал Шмяк.

– Веселова Анна Дмитриевна, пятьдесят четыре года, номер четыре, – отбарабанил Женька. – Диагноз – легкое нервное расстройство на почве житейских неудобств, связанных с инвалидностью.

– Дай-то бог, – не совсем понятно отреагировал на его доклад Шмяк, с хрустом уминая салат. – А скажи-ка, Иваныч, – продолжил он после небольшой паузы, – можно ли засунуть в компьютер фотографию человека и выяснить, как он выглядел двадцать лет назад?

– Можно, – сказал Женька. Удивляться и строить предположения он уже устал и просто действовал по ситуации – слушал, смотрел и отвечал на поступающие вопросы, даже не пытаясь понять, с какой целью их ему задают. – Только комп должен быть нормальный, не чета тем дровам, что стоят у Семена Тихоновича в кабинете. И еще нужна специальная программа. Купить ее почти наверняка можно, но поискать придется. А что?

– Ничего, – махнул вилкой Шмяк. – Забудь. Ерунда это все. Скорее всего, я просто обознался.

– Вы знакомы, что ли?

– Забудь, – повторил Шмяк. – Говорю же, обознался.

Он оттолкнул тарелку, положил вилку, встал и, подойдя к комоду, вынул из верхнего ящика большой почтовый конверт из плотной бледно-желтой бумаги.

– Возьми, – сказал он, протягивая конверт Женьке. – Пускай до моей выписки у тебя побудет. А если что...

– Что «если что»? – не дождавшись продолжения, спросил Женька.

Шмяк со скрежетом потер щетинистый подбородок, пребывая в явном затруднении.

– Когда «если что» случится, ты это заметишь и поймешь, – сказал он.

– И что тогда?

– Конверт возьми, – сказал Шмяк и почти силой впихнул конверт Женьке в руки. По ощущению конверт был почти пустой; если в нем что-то и было, то это «что-то» размерами не превосходило сложенный вдвое лист писчей бумаги. Конверт был заклеен, а поперек клапана белела полоска бумаги, на которой виднелась чья-то витиеватая роспись. – Что тогда, что тогда... Сам сообразишь!

Он вернулся за стол, оставив слегка оторопевшего Женьку стоять посреди комнаты с конвертом в руках, взял вилку, но тут же с лязгом швырнул ее обратно.

– Ты пойми, Иваныч, – развернувшись к Женьке всем корпусом, почти просительно сказал он, – это по-настоящему важно. И ты, ежели что, действуй по обстановке. Не как сопливый пацан действуй, не как сын бездомной уборщицы – извини, конечно, но из песни слова не выкинешь, – а как взрослый, серьезный мужик.

– Гм, – сказал Женька.

– Только так, и не иначе, – серьезно сказал Шмяк. – И без никаких «гм». Понимаю, это нелегко. Но вот я тебя сейчас подучу. Просто представь, что ты – это не ты, а герой какой-нибудь книжки с приключениями. Или, скажем, одной из статей твоего Спасателя. И действуй

соответственно. Как будто это не ты, а он. А ты сидишь дома на мягком диване, читаешь про него и восхищаешься: вот это парень! Вот жжет!

«Совсем свихнулся», – подумал Женька.

– Вам бы выспаться, – сказал он вслух, – отдохнуть...

– Да, пожалуй, не помешает, – неожиданно легко согласился Шмяк. – Ты иди, Иваныч. Я поем и лягу. А поднос в коридор выставлю, потом заберешь. Лады? Только без обид!

– Какие могут быть обиды? – пожал плечами Женька. – Приятного аппетита. И спокойной ночи.

Он направился к двери, но его остановил неожиданно резкий окрик Шмяка:

– Стоять, боец!

Женька замер на полушаге и осторожно обернулся.

– Конверт спрячь, – нормальным голосом сказал Шмяк.

Женька затолкал конверт за пазуху и вышел, чувствуя, как он покалывает кожу твердыми уголками. Очутившись в пустом, ярко освещенном коридоре, он услышал, как за спиной дважды клацнул запираемый дверной замок. Покосившись на укрепленную под потолком видеокамеру, Женька Соколкин одернул свитер и заторопился к лестнице: за всеми своими делами он до сих пор не сделал алгебру, а завтра ожидалась контрольная.

6

В большой, чтобы не сказать огромной, гостиной жарко горел камин. Пляшущие в его закопченной пасти языки пламени, как в зеркале, отражались в натертом до блеска паркете. За стеклянной стеной дремал под толстым снеговым одеялом идеально ухоженный вишневый сад, и, глянув в ту сторону, Андрей подумал, что в пору цветения вид из окна, должно быть, открывается просто потрясающий. Мягкая мебель с белоснежной обивкой манила в свои объятия, суля райскую усладу тощему журналистскому седалищу, в углу солидно и неторопливо тикали старинные напольные часы в резном футляре красного дерева, и размеренно качающийся за толстым граненым стеклом, надраенный до солнечного блеска бронзовый маятник коротко посверкивал, отражая огонь камина. Все здесь дышало покоем и устоявшимся, привычным, незыблемым достатком, наводя на мысль, что если свободного журналиста Липского и собираются мордовать, то происходить это будет не здесь и не сейчас. Кому, в самом деле, охота оттирать кровавые сопли с белых кресел и мозаичного паркета из ценных пород дерева?

На низком стеклянном столике красовался натюрморт, состоявший из хрустального графина с жидкостью, цветом напоминающей слабо заваренный чай, но явно таковым не являвшейся, двух хрустальных же стаканов, открытой коробки с тонкими сигарами, настольной зажигалки в виде Эйфелевой башни и бронзовой пепельницы. Перед уходом русоволосый супостат с газовым баллончиком в кармане и чужим ноутбуком под мышкой предложил угощаться и вообще чувствовать себя как дома, но Андрей не спешил: сначала надо было хоть немного успокоиться, собраться с мыслями и разобраться в обстановке. Уж если наносить масированный удар по легким и печени, так надо хотя бы получить от этого удовольствие, а в своем теперешнем состоянии Андрей вряд ли мог ощутить и по достоинству оценить вкус предложенной элитной выпивки и табака.

По комнате, заставив Андрея вздрогнуть, прокатился густой, басовитый медный удар.

– А, чтоб тебя! – покосившись на часы, пробормотал Липский.

Витые черные стрелки на бронзовом циферблате показывали половину пятого. Снаружи начинало смеркаться. Подойдя к камину, Андрей достал сигареты и выкурил одну, задумчиво глядя в огонь. Часы продолжали неторопливо тикать, отсчитывая бесцельно уходящие в небытие мгновения его жизни. Липский выбросил в камин коротенький окурочек, подошел к стоящему посреди комнаты белому концертному роялю, поднял крышку и, тыкая указательным

пальцем в клавиши, с запинкой проиграл куплет «Чижика-пыжика». Рояль оказался основательно расстроенным, что немного сгладило кощунственность его поступка. Присев, он попытался наиграть «Амурские волны», сбился, начал с первого такта и снова сбился на том же самом месте.

– Ля-минор, – негромко произнес у него за спиной незнакомый мужской голос. – Ля, а не ре.

Обернувшись, Андрей торопливо встал и без стука опустил крышку рояля. С учетом обстоятельств его появления здесь вставать, пожалуй, не стоило, тем более торопливо, но он просто не успел об этом подумать – воспитание взяло свое, и, увидев в нескольких шагах от себя незнакомого пожилого человека, почти наверняка хозяина всего наблюдаемого вокруг великолепия, он вскочил чисто машинально.

– Присаживайтесь, Андрей Юрьевич, – сказал хозяин, указав сухой белой ладонью на одно из кресел рядом со стеклянным столиком. – Я вижу, вы проигнорировали мое угощение. Напрасно! Виски первосортный, сигары кубинские, тоже высшего качества. Прошу вас, не стесняйтесь!

Лет ему было, наверное, за шестьдесят. Несмотря на возраст, плечи его сохранили прямизну и широкий разворот, да и вообще, держался он так, словно только что вернулся из спортивного зала или, скорее, с военного парада. Он был седой, сухопарый и подтянутый, при ходьбе чуть заметно прихрамывал на правую ногу и опирался на тяжелую черную трость с отлитой в виде прыгающего тигра серебряной рукояткой. Наряд на нем был домашний – просторные, не стесняющие движений брюки, мягкие кожаные мокасины и белый, в тон мебели и роялю, вязаный пуловер, из-под которого виднелся расстегнутый ворот рубашки. Обручальное кольцо поблескивало на безымянном пальце левой руки, из чего следовало, что перед Андреем либо разведенный, либо вдовец. С учетом его возраста второй вариант представлялся куда более вероятным, и то, что он продолжал носить кольцо, косвенно говорило в его пользу. Впрочем, напомнил себе Андрей, Гитлер, как и многие известные истории негодяи, по слухам, тоже был сентиментален.

– Я не стесняюсь, – усаживаясь, сказал Липский. – Просто не хочу. Вернее, предпочитаю воздержаться.

– В доме врага ни глотка, ни крошки? – Хозяин усмехнулся одними уголками губ и тоже уселся, прислонив трость к подлокотнику кресла. – Бросьте, Андрей Юрьевич! Горделивая поза графа Монте-Кристо вам не идет. Вы не Эдмон Дантес, я – не барон Данглар...

– Правда? – с деланным облегчением произнес Липский.

– Правда-правда, – заверил хозяин, неторопливо разливая по стаканам виски. Руки у него ни капельки не дрожали, чего Андрей, к сожалению, не мог сказать о своих. – Позвольте представиться. Моя фамилия Стрельников, Виктор Павлович Стрельников.

– Очень приятно, – выдал не соответствующую действительности стандартную формулировку Андрей. – Но не особенно информативно.

– А что еще вас интересует? – вставляя в горлышко графина хрустальную пробку, вежливо приподнял брови Виктор Павлович Стрельников.

– Например, род ваших занятий.

– Вы мне льстите, – сверкнув ослепительной, явно искусственной улыбкой, сказал хозяин. – Какие могут быть занятия в мои годы? Я пенсионер. Вы удовлетворены?

– Честно говоря, не очень.

– Тем не менее на данном этапе вам придется довольствоваться этими сведениями. Давайте выпьем за знакомство. И за сотрудничество, которое, надеюсь, будет плодотворным.

Сказав так, он пригубил виски и аккуратно, без стука, поставил стакан на стеклянную крышку стола.

– Хорошенькое начало сотрудничества, – заметил Андрей, не спеша последовать его примеру.

– Примите мои искренние извинения за причиненные неудобства, – сказал Стрельников. – Поверьте, это была вынужденная мера. Дело, по которому я вас побеспокоил, не терпит отлагательств и не относится к категории дел, которые можно обсуждать по телефону. А с учетом ваших недавних неприятностей вы наверняка отвергли бы приглашение явиться для разговора в чужой незнакомый дом, не подкрепленное вескими, доказательными аргументами. Существуют и другие причины, по которым мне пришлось действовать именно так, а не иначе.

– Например?

– Например, нежелание преждевременно афишировать наше знакомство. Я уже слишком стар, чтобы участвовать в шпионских играх с погонями и переодеваниями, а вы еще чересчур молоды, чтобы погибнуть от рук негодяев, которые... Ну, вы понимаете, о ком – вернее, о чем – я говорю.

– А, – иронически произнес Липский, – так это были не ваши люди? А мне, грешным делом, показалось...

– И совершенно напрасно. С теми, кто их послал, отношения у меня еще более натянутые, чем у вас. Поэтому вы смело можете рассматривать меня как своего друга и союзника. По свойству транзитивности: враг моего врага – мой друг...

– До тех пор, пока враг не будет повержен, – с кривой улыбкой подсказал Андрей.

– Как минимум. А дальше – как сработаемся.

– По крайней мере, честно. И кто они, эти нехорошие люди?

– Вам незачем это знать. Эта информация не даст вам ничего, кроме бессонницы и дрожи в коленях. Усвойте просто, что этого противника вам в одиночку не одолеть.

Андрей помолчал, переваривая это заявление, на его взгляд сильно отдающее дешевой мелодрамой.

– А если я не захочу с вами сотрудничать, что тогда? Заставите силой? – спросил он.

– Не думаю, что до этого дойдет, – сказал Стрельников. – Полагаю, захотите. Потому что, помимо солидного вознаграждения, успех предлагаемой миссии даст вам информацию, которой вам в данный момент явно недостает.

– Мм?..

– Я ознакомился с опусом, над которым вы работали в тот момент, когда вас так невежливо прервали, – еще раз примите мои глубочайшие извинения, в том числе и за бесцеремонность, с которой я позволил себе прочесть недописанную статью. Не обижайтесь, пожалуйста, но, на мой взгляд, в ней имеются погрешности...

– Это черновой набросок, – перебил Андрей, поймав себя на том, что действительно задет. Это было просто смешно: на фоне всего остального критика в адрес незаконченного черновика выглядела не стоящей упоминания чепухой, но именно она почему-то вывела его из душевного равновесия.

– Я говорю не о стиле, – спокойно уточнил Стрельников, – а о фактической стороне дела. Впрочем, такие погрешности в данном случае неизбежны: вам, как я уже говорил, не хватает информации. Вы проделали впечатляющую работу, отыскав, разглядев и собрав почти все крупницы, пропущенные теми, кто заметал следы. Ваше непревзойденное умение добывать информацию, а равно направление ваших поисков – вот две основные причины, по которым я обратился именно к вам. Помогая мне, вы продвинете свое собственное расследование, причем так далеко, как вам и не снилось. И при этом вам не придется делать ничего особенного. Просто надо найти одного человека, который умеет прятаться не хуже, чем вы – искать. Информация у него, деньги – у меня, и притом, как я уже говорил, солидные...

– Звучит заманчиво, – сказал Липский. – Только мне почему-то кажется, что вы выдаете желаемое за действительное. Допустим, я найду вам вашего человека. Допустим, он распола-

гает информацией, которой, как вы справедливо заметили, мне остро недостает. Но где гарантия, что он захочет ею поделиться? Специфика темы такова, что осведомленные лица предпочитают помалкивать...

– А мы его попросим, – с многообещающей улыбкой заявил Стрельников. – Хорошенько попросим. Так, что он не сможет отказаться.

– Попытки? – светским тоном предположил Андрей. – Тогда я – пас.

– В жизни, как и в большой политике, возможность применения насилия зачастую оказывается куда более эффективной, чем само насилие, – просветил его Виктор Павлович. – К тому же, боюсь, спасовать вы уже не в состоянии.

– То есть как это? – насторожился Андрей.

– А как вы себе это представляете? Сейчас перед вами всего три возможности, причем приемлемой из них является только одна. Возможность номер один: вы продолжаете работать в одиночку, на свой страх и риск раскапывая эту историю. Зная вас, могу предположить, что расследование приведет вас в Казань, а возможно, и намного дальше. Вы будете идти по следу, пока вас не остановят. И в этот раз, будьте уверены, отделаться парой сломанных зубов не удастся. Я знаю этих людей и совершенно искренне, без малейшего преувеличения говорю: они вас просто зачеркнут, сотрут и закрасят, как написанное мелом на заборе неприличное словечко. Это так же несомненно, как то, что за зимой придет весна, а за весной – лето.

– Вы это серьезно? – спросил Андрей, прекрасно зная, что собеседник даже не думал шутить.

– Более чем, – ответил Стрельников. – Рассмотрим вторую возможность. Она заключается в том, что вы бросаете свои изыскания, удаляете из памяти компьютера все наброски по этой теме и беретесь за что-нибудь менее острое, безобидное. Вряд ли такая возможность вас прельщает. К тому же это мало что изменит. Вы уже привлекли к себе внимание, вторглись в сферу интересов людей, которые ничего не забывают и никому ничего не прощают. Никогда! Ваше молчание они воспримут по-своему – решат, что вы поумнели, глубоко законспирировались и потихонечку продолжаете раскопки на их огороде. По меньшей мере, они будут иметь этот вариант в виду. И сама вероятность того, что вы не угомонились, рано или поздно заставит их принять превентивные меры – просто на всякий случай, для верности.

– Веселенькие перспективы вы мне рисуете, – заметил Липский.

– Уж какие есть, – пожал плечами Виктор Павлович. – Жаловаться не на кого, Андрей Юрьевич. За что боролись, на то и напоролись, как изволил выразиться наш премьер, говоря о влиянии мирового финансового кризиса на российскую экономику. В силу вышеизложенного предлагаю вам воспользоваться третьей возможностью: заключить со мной союз и общими усилиями решить эту проблему раз и навсегда. Успех, разумеется, не гарантирован, но бездействие, равно как и действия в одиночку, без прикрытия и поддержки с моей стороны, для вас означает верную смерть.

– А знаете, – подумав, сказал Андрей, – мне чем дальше, тем сильнее сдается, что вы здорово сгущаете краски, причем с одной-единственной целью: запугать меня, склонить к сотрудничеству и в конечном счете загрести жар моими руками.

– Да ничего подобного! – теряя терпение, воскликнул Стрельников. – Экий вы, право, подозрительный! Ну хорошо, попробуем зайти с другого конца. Я хочу, чтобы вы установили местонахождение одного человека. И я уверен, что вы вцепитесь в это дело руками, ногами и зубами, как только узнаете, о каком человеке идет речь.

– Ну, и о каком же?

– О том самом, которого вы так живо описали в своей статье. О полковнике в штатском, который командовал отправкой почтово-багажного вагона со станции «Москва-Сортировочная» двадцатого августа девяносто первого года.

В наступившей тишине, нарушаемой только неторопливым тиканьем часов да потрескиванием дров в камине, Андрей взял со стола стакан и сделал глоток.

– Действительно, отличный виски, – сказал он. – Да, вы правы, это все меняет. Что ж, Виктор Павлович, я весь внимание.

Прежде чем заговорить, Стрельников хлебнул виски и покосился на часы, которые, будто только того и ждали, с хрипом прочистили медные легкие и начали гулко, заставляя воздух мелко вибрировать, бить пять.

Глава III. Конец света

1

К вечеру мороз еще больше ослабел и снова пошел снег. Крупный, пушистый, в самом деле похожий на клочья ваты, изображающей снег на детском утреннике, он в полном безветрии беззвучно падал с черного неба, покрывая все вокруг медленно, но верно утолщающимся белым пуховым одеялом. В лесу за забором с громким треском обломилась не выдержавшая его веса ветка. Нагревательные элементы на крыше главного корпуса пансионата были включены на полную мощность, и, касаясь зеленой металлической черепицы, снег таял, струями холодной водицы стекая по водосточным желобам и трубам. Зато флигель, в котором жила обслуга, и сторожка у ворот превратились в домики сказочных персонажей, словно присевшие на корточки под тяжестью низко, почти до земли, надвинутых снеговых шапок.

Часы показывали уже половину одиннадцатого, когда от главного корпуса, оставляя в свежем снегу четкие рельефные отпечатки протекторов, отъехал большой черный «шевроле» главврача Семена Тихоновича. Почти беззвучно подкатив к воротам, он плавно затормозил. В испускаемых его ксеноновыми фарами конусах яркого света, заслоняясь рукой от этого слепящего сияния, появился охранник Николай Зубов; лязгнув засовом, он отпер ворота и поочередно развел створки, открывая внедорожнику путь. Фары выхватили из наполненной отвесно падающими хлопьями темноты участок вздыбленной ледяными буграми, исполосованной глубокими колеями проселочной дороги и дремлющий по обе стороны от нее заснеженный еловый лес. Машина тронулась; проезжая мимо охранника, главврач благожелательно кивнул на прощанье, и Николай помахал в ответ рукой в трехпалой солдатской рукавице.

Когда красные точки задних габаритных огней «шевви» скрылись за поворотом, он закрыл и запер ворота. Снег продолжал бесшумно сыпаться из темноты, невесомым пухом оседая на плечах и цигейковом воротнике камуфляжного бушлата. Бросив недовольный взгляд на стоящую у входа в сторожку деревянную лопату, Николай совсем уже было собрался вернуться в тепло, но перед уходом по укоренившейся с недавних пор привычке посмотрел на главный корпус. Предчувствие его не обмануло: в третьем от угла окошке второго этажа вспыхивал и гас яркий голубой огонек вмонтированного в корпус зажигалки светодиодного фонарика. Стоя на освещенном уличным фонарем пространстве перед воротами, Зубов дурашливо козырнул, коснувшись рукавицей края старой солдатской ушанки. Фонарик погас и больше не включился, из чего следовало, что поданный охранником сигнал замечен и понят.

Николай вернулся в сторожку, где на столике с остатками немудреного ужина помаргивал подслеповатым черно-белым экраном старенький портативный телевизор. По телевизору показывали боевик, который Зубов давно хотел пересмотреть, но в полной мере насладиться предлагаемым зрелищем, видно, опять была не судьба: телевизор телевизором, а уговор дороже денег. Тем более что деньги уже получены и, более того, истрачены до последнего рубля.

Первым делом Николай присел за пульт видеонаблюдения и отключил наружную камеру номер три. Соответствующий квадратик на разделенном на секторы мониторе погас, изображение на нем пропало, сменившись слепым черным фоном. Не задержавшись ни на секунду, чтобы ненароком не попасть во власть колдовских чар «голубого друга», охранник протопал в крошечную кладовку, по совместительству служившую им со сменщиком гардеробной, и открыл стоящий в углу старый трехстворчатый шкаф. Сдвинув в сторону свою городскую одежду, он раскопал наваленную на дне шкафа кучу тряпья. Под ней обнаружили два картонных ящика: один – закрытый и запечатанный клейкой лентой, а другой – вскрытый, из которого торчали длинные тонкие горлышки трех бутылок. Неделю назад ящик был полнехонек, но с

жаждой не поспоришь, а коньяк, увы, не наделен способностью к самовоспроизводству, как бы этого ни хотелось российским, да и всем прочим, сколько их есть на белом свете, выпивохам.

Николай вынул из ящика и растолкал по карманам бушлата две бутылки, снова прикрыл свой нехитрый тайник тряпьем и вышел из сторожки. Из окна расположенной на втором этаже палаты за ним наблюдали – как он не без оснований предполагал, с большим нетерпением, – и, когда он приблизился к зданию главного корпуса, окно беззвучно приоткрылось. Свет в комнате не горел; в темной щели, белея, возник полиэтиленовый пакет. Сжимавшая его рука высунулась из окна почти по локоть и разжала пальцы. Пакет, чуть слышно шурша, начал плавно опускаться вниз на прочной, рассчитанной на хорошего сома, рыболовной леске.

На первом этаже, точно под палатой номер двенадцать, постоялец которой в данный момент злобно нарушал правила внутреннего распорядка пансионата, располагалась кладовая, в которой старшая сестра Изольда хранила лекарства – в том числе, разумеется, и препараты группы «А» – то бишь, говоря по-русски, наркотики. Окно кладовой было забрано изнутри прочной стальной решеткой и, как и железная дверь, оборудовано охранной сигнализацией. Проникнуть в кладовую в этот поздний час никто не мог, а значит, случайных свидетелей творящегося безобразия можно было не опасаться.

Охранник знал, что, если его застукают за этим занятием, работы он лишится в тот же миг. Но кто не рискует, тот не пьет шампанское, а денежки лишними не бывают. Каждый человек имеет право на свои маленькие секреты. Хочешь жить – умей вертеться. Кому суждено быть повешенным, тот не утонет, и наоборот: кто твердо вознамерился утопиться в бочке со спиртом, сделает это непременно, невзирая на любые препятствия и помехи. И если Николай Зубов откажется таскать постояльцу из двенадцатого номера коньяк, это за него с удовольствием сделает кто-нибудь другой – напарник Леха, например, или Женька, сын новенькой санитарки.

Он ловко, без лишнего шума подхватил пакет в двух метрах от земли. Внутри лежали две пустые бутылки, засунутые, чтоб не брякали, в старые рабочие рукавицы. Кроме них, в пакете, как обычно, обнаружилась пятидесятирублевая купюра. Деньги Николаю были заплачены вперед, еще до того, как старый выпивоха познакомился с главврачом и занял отведенные ему апартаменты, и насчет этого дополнительного бонуса уговора у них не было. Но двенадцатый номер оказался мужиком деловым, понимающим, какой смазки требуют ржавые шестеренки этого несовершенного мира, и Николай горячо одобрял его понятливость.

Завладев полтинником, он заменил пустые бутылки в рукавицах на полные, рассовал пустую тару по карманам и подергал леску. Пакет плавно вознесся на второй этаж и пропал из вида. Окно закрылось; Николай валенком надвинул снег на следы своих подошв под окнами и заторопился на задний двор, где стояли мусорные баки, чтобы избавиться от лежащих в карманах бушлата, издающих слабый запах дорогой выпивки улик. Лезть из кожи вон, заматывая следы, не стоило: снегопад усиливался, пелена сыплющихся с невидимого неба хлопьев густела прямо на глазах, так что к утру по отпечаткам на снегу картину ночных событий не восстановил бы даже Шерлок Холмс.

Похоронив бутылки под слоем мерзлых картофельных очистков и другой припорошенной снежком дряни в одном из мусорных баков, Николай зашагал обратно в сторожку. По дороге он вспомнил сына санитарки Женьку Соколкина, с которым поддерживал приятельские отношения (надо сказать, не без задней мысли, поскольку мамаша у пацана была еще вполне ничего себе, а папаша не наблюдалось). На днях Женька проговорился, что Шмяк непрерывно хлещет коньяк, который берет неизвестно откуда – ну, словно из батареи парового отопления сливает, честное слово! Это не было попыткой наябедничать, мальчишка просто искренне изумлялся: как же так? Запасов спиртного в палате нет, а фляжка, с которой Шмяк буквально не расстается, словно бы и не пустеет...

Посвящать пацана в несложный механизм этого загадочного явления Николай, разумеется, не стал, ограничившись краткой воспитательной беседой. Стучать на человека, который тебе доверяет, некрасиво – это раз. Выбалтывать, пусть себе и по дружбе, чужие секреты тоже нехорошо – это два. А рассчитывать, что тот, кому ты проболтался, в отличие от тебя, станет молчать, просто-напросто глупо – это, братец ты мой, три. Это я тебе как другу говорю, а если, скажем, я в тебе ошибся и помалкивать в тряпочку тебе неумоготу, так обратился ты не по адресу – к Семен Тихонычу беги, он эту тайну – что, как, откуда и зачем у твоего Шмяка берется – живо раскроет, буквально в два счета...

Вспомнив тот разговор, Николай усмехнулся. Эх, молодо-зелено! Ничего, подрастет – сам все узнает и поймет. Пацан, конечно, малость обиделся, но зато Зубов теперь был уверен, что ни к кому другому он со своими вопросами и недоумениями не пойдет. А то у него, понимаешь ли, любознательность в одном месте выиграла, а взрослый человек, отец семейства, из-за его любопытства, того и гляди, пробкой с работы вылетит. Да и Шмяк хорош, ничего не скажешь! Хочешь пить – пей, хоть залейся. Но при мальчишке-то зачем?

Очувтившись в прокуренном тепле сторожки, он первым делом включил третью камеру, а потом снял бушлат, закурил и с удовольствием вернулся к просмотру боевика, события которого как раз приближались к кульминации.

2

Снегопад продолжал усиливаться, а температура воздуха расти, знаменуя вторжение на территорию Московской области теплого атлантического циклона. В лесу все чаще раздавался треск ломающихся под тяжестью мокрого снега ветвей. Дороги замело и продолжало заметать, и можно было не сомневаться, что даже полноприводной «шевроле» главврача Семена Тихоновича сумеет прорваться на территорию пансионата не раньше, чем у коммунальщиков дойдут руки и кто-нибудь пошлет грейдер, чтобы расчистить ведущий сюда малоезжий лесной проселок.

В такие ночи, выпадавшие не реже одного раза за зиму, пансионат уподоблялся крошечному островку в безбрежном море российских снегов. Эта уединенность и отрезанность от внешнего мира превращали его в идеальное место действия детективного романа в стиле Агаты Кристи – замкнутый уютный мирок с десятком чудаковатых обитателей, у каждого из которых, согласно английской поговорке, в шкафу хранится собственный скелет, полное единство времени и места, и на этом позлащенном увядающей роскошью фоне одно за другим происходят таинственные, необъяснимые убийства...

Дежуривший в эту ночь молодой доктор Олег Борисович Васильев как раз развивал эту мысль перед симпатичной дежурной сиделкой Ирочкой, попутно откупоривая бутылку красного полусладкого, когда в ординаторской погас свет. Это событие, неприятное само по себе, для Олега Борисовича стало вдвойне печальным, поскольку наступившая кромешная тьма лишила его возможности любоваться стройными бедрами Ирочки, самый верх которых был едва-едва прикрыт соблазнительно расходящимися полами короткого белого халатика.

– Ой! – испуганно произнесла Ирочка.

Она работала в пансионате всего третий месяц и еще не оказывалась в подобных ситуациях.

– Спокойно, – мужественным голосом воззвал к ней доктор Васильев, – ничего страшного, это бывает. Одно из двух: или пробки выбило, или провода оборвались. Причем, учитывая погодные условия, я склоняюсь ко второму варианту.

Он встал, будто бы случайно опершись ладонью на Ирочкино колено. Ирочка не возражала. У нее было роскошное тело, глупая смазливая мордашка и кошачий темперамент. Олег Борисович знал, что скоро она ему надоест, но пока что их роман без обязательств был в раз-

гаре – доктор надеялся, что к обоюдному удовольствию, и знал, что переживет, если окажется, что это не совсем так.

Светя себе зажигалкой, ничего не видя, кроме пляшущего оранжевого огонька, спотыкаясь о столы и стулья и всякий раз вполголоса чертыхаясь, он подошел к окну и выглянул наружу. Света не было нигде, в том числе и в сторожке у ворот. Нагревшаяся зажигалка обожгла пальцы; чертыхнувшись в очередной раз, Васильев сунул ее в карман, достал мобильный телефон и включил подсветку. Жить сразу стало легче и веселее. Светя телефоном, он нашел в шкафчике спиртовку, зажег ее и поставил на стол.

– Сто раз говорил сестре-хозяйке, что надо запастись свечами, – сказал он.

Телефон диспетчерской аварийной службы электросетей наряду с другими «горячими» номерами был записан на бумажке, которая лежала под стеклом на письменном столе. Как официальное лицо, во время дежурства несущее всю полноту ответственности за вверенных его попечению пациентов, Олег Борисович снял трубку телефонного аппарата и, поднеся ее к уху, пару секунд вслушивался в царившую внутри нее тишину. Потом постучал пальцем по рычагу, зачем-то дунул в микрофон, проверил розетку и положил трубку на место.

– Верблюды совсем замерз, – цитируя бородатый анекдот, констатировал он и стал звонить диспетчеру с мобильного телефона, поглядывая на бедра Ирочки, которые при устроенном им интимном освещении выглядели еще более соблазнительно, чем при ярком неживом свете люминесцентных ламп.

Когда вырубилось электричество, охранник Николай Зубов как раз собирался прилечь, чтобы немного вздремнуть. Было примерно полвторого, до очередного обхода, таким образом, оставалось целых полтора часа; дороги замело напрочь, неожиданного приезда начальства ожидать не приходилось, как и визита воров, которым, между прочим, тоже надо как-то сюда добраться. Положим, добраться можно и на снегоходе, и на обыкновенных лыжах, но Николай что-то не наблюдал здесь лежащих без присмотра золотых россыпей, ради которых стоило бы идти на такой подвиг.

И тут погас свет – весь, по всему пансионату, как снаружи, так и внутри. Сие означало, что с отбоем придется повременить: сначала следовало установить причину аварии и принять меры к ее устранению.

Николай подозревал, что причина, как обычно, кроется в обрыве проводов, не выдержавших тяжести налипшего на них снега, но зарплату ему выдавали не за подозрения и построение версий, и теперь пришло время ее отработать. Сменив пляжные шлепанцы на валенки, натянув бушлат и нахлобучив шапку, он прихватил сильный ручной фонарь и вышел из сторожки. Снег валил, как перед концом света, и, пробираясь через выросшие, как на дрожжах, сугробы к распределительному шкафу, Николай подумал, что свет дадут не скоро – дай бог, чтобы аварийщики успели до полудня.

Открыв железный шкаф и наудачу пощелкав тумблерами автоматических предохранителей, он получил вполне ожидаемый, то есть нулевой, результат.

– Эх, Россия-матушка! – закрывая шкаф, с сердцем выдохнул он. – Что за бардак, каждую зиму одно и то же! И за что только мы с пацанами кровь проливали?

Можно было с чистой совестью умыть руки, но Николай Зубов относился к своим обязанностям достаточно серьезно и, вместо того чтобы вернуться в сторожку и завалиться спать, отправился в обход – на тот маловероятный случай, если охраняемый объект обесточили злоумышленники, вознамерившиеся ограбить кладовую с лекарствами, украсть старенький компьютер главврача и обесчестить парализованную дамочку из четвертой палаты. Что до аппетитной сиделки Ирочки, то за нее Зубов не переживал, поскольку не сомневался, что док Васильев времени зря не теряет и что гипотетическим злоумышленникам в этом плане ловить нечего, как, к сожалению, и ему.

Док оказался легок на помине – позвонил по мобильному телефону и спросил, что слышно. Николай описал ситуацию, добавив, что надо звонить в аварийную службу. Васильев ответил, что уже дозвонился и что помощь ему обещали – правда, насчет времени ее прибытия ничего не сказали, ограничившись отрывистым: «Ждите».

Завершив внеплановый обход, который, как и следовало ожидать, не выявил никаких нарушений пропускного режима, Зубов вернулся в сторожку, разделся, поставил будильник на половину четвертого и завалился на скрипучий топчан.

К этому времени сиделка Ирочка, сопровождаемая доктором Васильевым, тоже закончила обход, который был таким же необходимым и безрезультатным, как и тот, который по собственной инициативе предпринял охранник. За закрытыми дверями палат царил тишина, нарушаемая разве что храпом и сопением пациентов, которые, как им и полагалось, в этот глухой послеполуночный час спали без задних ног. Ни на первом, ни на втором этаже не наблюдалось никаких признаков паники или хотя бы легкого беспокойства: «конец света» никого не взволновал, потому что его просто-напросто никто не заметил.

Вскоре в тускло освещенной горящим на столе огоньком спиртовки ординаторской послышался деликатный хлопок извлеченной из бутылочного горлышка пробки. Тихонько звякнуло стекло, и темно-красное, как кровь дракона, вино, журча и искрясь на просвет, пролилось в пузатые бокалы. В ту самую минуту, когда дежурный доктор Васильев начал произносить длинный, витиеватый и не совсем приличный тост, хорошо знакомый всем его прежним пассиям, в одной из комнат первого этажа приоткрылась дверь и в темный коридор, светя себе под ноги тонким лучом светодиодного фонарика, беззвучно выскользнула человеческая фигура.

3

Когда погасли уличные фонари, свет которых позволял худо-бедно различать очертания мебели и более мелких предметов, пациент, добровольно (и за весьма солидную плату) поступивший на излечение в оздоровительный пансионат «Старый бор» под именем Бориса Григорьевича Шмакова, еще не спал. Ничего нового и непривычного для него в этом ночном бдении не было. Бессонницей он не страдал, но с некоторых пор предпочитал по ночам бодрствовать, отсыпаясь днем, во второй, свободной от процедур, его половине.

Он лежал на кровати одетый, в пижаме и махровом халате, и, когда размытое электрическое сияние за окном мгновенно и беззвучно пропало, уступив место кромешной тьме, даже не вздрогнул: чего-то именно в этом роде он ждал уже третью ночь подряд. Полоска неяркого света под дверью, ведущей в коридор, исчезла, красный огонек индикатора на корпусе телевизора погас, из чего следовало, что электричество вырубилось по всему пансионату.

Матрасные пружины тихонечко затрещали, когда он сел, спустив на пол ноги в теплых носках. Правая рука скользнула под подушку, пальцы коснулись теплого гладкого металла и рубчатой пластмассы рукоятки, убралась, переместилась правее и нащупала бархатистый кожаный бок изогнутой по форме бедра плоской фляжки. Чуть слышно заскрежетала свинчиваемая пробка, коротко булькнула жидкость, и по комнате распространился едва уловимый тонкий аромат дорогого коньяка марки «экстра олд». Литр хорошего коньяка – вполне приемлемая, умеренная суточная норма для человека, способного залпом выпить склянку медицинского спирта и после этого выбить на стрельбище девяносто из ста возможных очков – не из винтовки с оптикой, заметьте, и не из спортивного пистолета, а из старикашки «Макарова», из которого далеко не всякий трезвый сумеет попасть в девятиэтажный дом. При грамотном, умелом употреблении коньяк не опьяняет, а бодрит лучше самого хорошего кофе, помогает оставаться в тонусе и быть начеку.

Человек, которого эта толстая дурища, здешняя повариха, по скудости своей фантазии окрестила Шмяком, оставался начеку уже много лет. Это его изрядно утомило, но раскисать и сдаваться он не собирался. Сдаться – значит пустить драной козе под хвост все прежние усилия и жертвы. А было их немало – гораздо больше, чем может вообразить себе какой-нибудь щелкопер вроде этого Спасателя, от которого без ума сынишка местной уборщицы Евгений свет Иванович. Показать этому умнику хоть малую толику того, чего насмотрелся в жизни Шмяк, – заблюет все на три версты вокруг, а то, чего доброго, и околеет с перепугу.

Он снова поднес фляжку к губам, сделал маленький, аккуратный глоток и улыбнулся в темноте. Шмяк... Вообще-то, он привык отзываться на прозвище Медведь, но какая разница? Хоть горшком назови, только в печку не ставь; дело не в названии, дело в сути – было, есть и будет. Кроме того, Шмяк тоже звучит. В смысле: шмяк – и нету.

Протянув руку, он нащупал на прикроватной тумбочке пачку сигарет и зажигалку. В корпус зажигалки был встроен светодиодный фонарик, включавшийся простым нажатием кнопки, – тот самый, с помощью которого он давал охраннику знать, что пришло время пополнить запас горючего. Тонкий синий луч осветил циферблат наручных часов. Времени было тридцать семь минут второго; снег за окном валил так густо, что был виден даже в темноте, и можно было не сомневаться, что до утра электроснабжение не восстановят. А до утра, товарищи офицеры, еще надо дожить. Хорошо, если авария – результат обрыва проводов, не выдержавших тяжести налипшего на них мокрого снега и сосулек. А если это не обрыв, а спланированная диверсия, то поставленная боевая задача – дожить до рассвета – становится не такой простой, как кажется на первый взгляд...

Закуривая, он услышал, как открылась дверь ординаторской. В коридоре зашаркали обувными в мягкие тапочки ногами, тихонько забормотали, захихикали. Голосов было два, мужской и женский, из чего следовало, что медицина в полном составе бодрствует и остается на страже здоровья и безопасности пациентов. Шмяк не усматривал в этом ничего удивительного: на месте дежурного врача он тоже не стал бы тратить драгоценное время на сон, имея под боком такую кралю.

Пройдясь по второму этажу, парочка спустилась на первый. Шмяк молча курил, задумчиво созерцая разгорающуюся и гаснущую в темноте красную точку. Сигарету он держал солдатски, огоньком в ладонь, – по старой привычке, а еще затем, чтобы снаружи было незаметно, что он не спит.

Вскоре врач и сиделка вернулись. Услышав донесшееся со стороны ординаторской мягкое клацанье дверной защелки, Шмяк встал и, пряча за спиной тлеющий окурок, подошел к окну – как раз вовремя, чтобы увидеть охранника, который, освещая себе путь сильным электрическим фонарем, возвращался в сторожку.

С горьким удовлетворением покивав головой: в Багдаде все спокойно, а если и не нет, то здешние олухи все равно ни черта не заметят, пока у них земля под ногами не загорится, – Шмяк привычно погасил окурок о подошву и, скомкав, сунул за батарею. Женька ворчал, ежедневно выгребая оттуда бычки и скатанные в шарики обертки от сигаретных пачек, но воркотня этого сопляка беспокоила Шмяка в самую последнюю очередь. Он умел разбираться в людях и видел, что отведенную ему в этом спектакле роль второго плана парнишка честно сыграет до конца. А когда опустится занавес, будет уже неважно, что он говорит и думает, чем доволен или, наоборот, недоволен: сделал дело – гуляй смело. И скажи спасибо, что не свернули твою цыплячью шею во избежание утечки информации...

Он замер посреди комнаты, чутко вслушиваясь в тишину. Годы брали свое, слух у него стал уже не тот, что прежде, но все еще оставался более острым, чем у большинства так называемых нормальных людей. Он слышал тяжелый, мощный, как рокот большого дизельного мотора, храп известного кинорежиссера из восьмой палаты, лечившегося здесь от пристрастия к кокаину; слышал, как за четыре стены от него, в ординаторской, вынули пробку из винной

бутылки; он слышал тихое журчание талой воды в водостоках и шорох скользящих по оконному стеклу снежных хлопьев. И еще он слышал – или ему казалось, что слышит, – чьи-то осторожные, крадущиеся шаги на лестнице.

Скинув тапочки, он на цыпочках приблизился к кровати и вынул из-под подушки пистолет. Тяжесть оружия успокаивала, внушая уверенность в том, что все обойдется, – раньше обходилось, обойдется и теперь. Главное – не зевать; как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай.

Торопливо соорудив из подушки и стеганого покрывала некое подобие куклы, Шмяк набросил сверху одеяло и осветил плоды своих трудов фонариком. Издалека продолговатый холмик под одеялом мог сойти за спящего, укрытого с головой человека – пожалуй, только на первый взгляд, но этого было достаточно. Светя себе под ноги, чтобы не споткнуться и не наделать шума, Шмяк на цыпочках выбежал в крохотную прихожую, проскользнул в санузел, выключил фонарик и затаился, держа в опущенной руке заряженный пистолет и глядя в темноту через предусмотрительно оставленную щель.

4

Ноги в казенных тапочках почти беззвучно ступали по ковровой дорожке, что покрывала ступени ведущей на второй этаж лестницы. Человек крался, стараясь производить как можно меньше шума, освещая путь крошечным светодиодным фонариком – одним из тех, что стараниями трудолюбивых и многочисленных китайцев широко распространились по всему миру, став едва ли не более доступными, чем обычные электрические фонари. Лет двадцать назад, когда крадущийся по лестнице человек, как и храпевший (по его мнению) у себя в палате Медведь, находились на пике профессиональной активности, такой фонарик мог стать для любого из них неплохим подспорьем в работе. Он давал тонкий яркий луч, который почти не рассеивался и, недурно освещая все, на что падал, был практически незаметен со стороны. Вот где, в самом-то деле, он был двадцать лет назад?

Впрочем, то же самое можно было сказать о мобильных телефонах, цифровых фото-, видео- и аудиоустройствах, компьютерах и электронных носителях информации, способных вместить хоть всю Британскую энциклопедию и при этом легко помещающихся в кармане. С этими высокотехнологичными штучками-дрячками всегда так. Человек, почти всю свою сознательную жизнь бегавший на угол к телефону-автомату всякий раз, когда возникала необходимость позвонить, перестает понимать, как он обходился без мобильного, уже через неделю после того, как внук с барского плеча подарил ему свой морально устаревший «самсунг» с убитой батареей. А упомянутый внук, который только что не родился с мобилой в руке, цифровым плеером на шее и ноутбуком под мышкой, по прошествии энного количества лет тоже наверняка получит возможность со смесью восхищения и горечи воскликнуть: «Вот это вещь! Где ж она была в мои молодые годы?»

Справедливости ради следовало бы добавить, что поднимавшийся по лестнице человек, как и Медведь (он же Шмяк), не особенно переживал по поводу своей неспособности объять необъятное и поспеть за бурным развитием современных технологий. Он – вернее, она, потому что это была женщина, – так вот, она вовсе не спешила выйти в тираж и похоронить себя на какой-нибудь занюханной даче среди грядок с капустой, луком и каким-нибудь, не к ночи будь помянут, сельдереем. Старый конь борозды не портит, да и старость пока что была скорее призраком, маячащим на горизонте миражом, чем суровой реальностью с ломотой в суставах, скачками давления и проблемами с мочевым пузырем. Она была не старая, а зрелая и опытная, и маленький шпионский фонарик сейчас пришелся ей ко двору ничуть не меньше, чем двадцать лет назад.

Поднявшись на второй этаж, она из предосторожности погасила фонарик и немного постояла неподвижно, прислушиваясь. За дверью комнаты, расположенной слева от лестницы, кто-то тяжело, мучительно храпел, как будто и не спал вовсе, а умирал от приступа запущенной астмы. Она была здесь впервые, но подробный план здания надежно хранился в ее идеально, несмотря на поздний час, причесанной голове, и, даже не включая фонарь, она могла с уверенностью сказать: это не Медведь, его комната справа от лестницы, третья по счету от угла.

Первая дверь направо от лестницы вела в ординаторскую. Проходя мимо, женщина услышала внутри негромкие голоса и тихий, мягкий, как масло, зазывный женский смех. Когда-то она сама умела так смеяться, а при необходимости могла прибегнуть к этому старому как мир женскому оружию даже сейчас, в свои... Да нет уж, дудки; упоминать о том, сколько ей на самом деле лет, она избегала даже мысленно. Правда, в отличие от дурочки, которая в эту минуту обжималась в темной ординаторской с молодым врачом, она никогда не отдавала себя мужчинам бесплатно и без пользы для дела – ну, исключая разве что самые первые несколько раз, когда была еще совсем юна и не являлась частью Системы.

Медведь тоже был частью Системы, но теперь это осталось в прошлом. Затеяв свою собственную игру, он автоматически обрек себя на одиночество и бесславную гибель. Он пошел против Системы, и Система не осталась в долгу: теперь ОНА шла на него, воплощенная в хрупкой, рано начавшей сесть женщине в надетом поверх ночной сорочки темно-синем шелковом халате.

Палата, расположенная между ординаторской и занимаемым Медведем двенадцатым номером, пустовала. Найдя это весьма удобным, верная дочь Системы темным призраком заскользила дальше. У нее были чересчур худые, почти лишенные мускулатуры ноги, напоминавшие две кочерги или пару палок, вставленных в подол просторного халата. Она всегда стеснялась своих ног и, когда могла, носила брюки, но здесь и сейчас эти жалкие хворостинки служили ярким дополнительным штрихом к создаваемому образу.

Наконец она остановилась перед дверью двенадцатой палаты и прислушалась, затаив дыхание. В восьмом номере продолжали храпеть; из ординаторской снова послышался зазывный женский смешок, звякнуло стекло – не так, как звенят, соприкасаясь, бокалы, и не так, как звякает, легонько ударившись о край наполняемого фужера, горлышко бутылки, а так, как звенит потревоженная толчком посуда на случайно задетом столе. Этот звук означал, что флирт перешел в фазу активного физического контакта и что на ближайшие несколько минут о медицинском персонале можно смело забыть. Больше в темный коридор не проникало ни звука, если не считать чуть слышного журчания талой воды в водосточном желобе под крышей, доносившегося со стороны расположенного в конце коридора окна.

Убедившись, что все спокойно, посланница Системы опустила руку в карман халата и вынула оттуда универсальный ключ – отмычку, подходящую к замкам всех занимаемых пациентами палат. Чтобы находящиеся здесь на излечении богатенькие алкаши, наркоманы и психи при желании могли тешиться иллюзией уединения и притворяться, что обитают не в частной психушке, а в доме отдыха или отеле, им позволяли запирались в палатах. Но, поскольку это все-таки был не отель, а именно психушка, персонал должен был иметь свободный доступ в палаты – если понадобится, то и вопреки желанию постояльцев. Поэтому замки в дверях комнат, как в каком-нибудь американском отеле, открывались универсальной отмычкой, которая хранилась у сестры-хозяйки. Сегодня в конце дня, перед уходом домой, эта косолапая растяпа заходила к парализованной пациентке, чтобы сменить постельное белье, случайно (ну, разумеется, а как же еще – нарочно, что ли?) залитое клюквенным морсом. Чтобы перестелить постель, пациентку пришлось пересадить в кресло, и по ходу этой операции отмычка незаметно переключалась из кармана белого медицинского халата в карман синего шелкового халата Анны Дмитриевны Веселовой. Раз-два, и готово, а завтра кто-нибудь найдет отмычку в коридоре первого этажа, где-нибудь у двери кладовой постельного белья, и толстозадая раззява получит

нагоняй за халатное отношение к вверенным ей материальным ценностям. И поделом: не надо щелкать клювом.

Отмычка вошла в замочную скважину как по маслу, издав серию мягких, едва слышных щелчков. Запертый на два оборота замок открылся послушно, без малейшего сопротивления; повернув ручку, она бесшумно переступила порог.

Час расплаты настал. Медведю долго удавалось ускользать от возмездия, но теперь его время истекло. Пришло другое время – время собирать камни, отдавать долги и возвращать то, что было незаконно присвоено два десятка лет назад. Снова прислушавшись и не услышав ничего подозрительного, грозная тень в синем шелковом халате включила фонарик и бесшумно заскользила через маленькую прихожую в сторону спальни.

5

Ей пришлось остановиться, когда в тишине погруженного в темноту помещения послышался знакомый маслянистый щелчок взведенного курка и хриплый голос, дыша парами неусвоенного алкоголя, негромко произнес:

– Все-таки я не обознался. Явилась, старая сука!

– Ты тоже не молодеешь, – не оборачиваясь, сказала она. Тонкий луч фонарика упирался в кровать, на которой лежала сооруженная из одеяла примитивная кукла. – Надеюсь, у тебя хватит ума и самообладания не спустить курок. Перебудуешь весь пансионат.

– Ну и что? – возразил Медведь, и по голосу чувствовалось, что он ухмыляется. – Пусть бы насладились зрелищем твоего чудесного исцеления. Какая была бы реклама для этой богадельни! Слепые прозревают, безногие начинают бегать по лестницам... А все целебный подмосковный воздух, хвойные ванны и консультации знающих специалистов!

Ствол пистолета коснулся ее затылка, аккуратно, почти нежно раздвинув пышную, уложенную волосок к волоску прическу.

– Какой сюрприз, – куражась, потому что свято верил в силу оружия и в свои собственные силы, продолжал Медведь. – Будь ты помоложе, я бы с удовольствием воспользовался ситуацией.

– Ты бы обязательно попытался ею воспользоваться, если бы еще был на это способен, – не осталась в долгу она.

– Врешь, старая швабра, дело не во мне, – как и следовало ожидать, слегка осатанел он. – Просто я лучше сделаю это с подкладным судном, чем с тобой, тощая ящерица!

– Хватит, – кладя конец беспредметному спору, сказала она. Луч фонарика по-прежнему освещал пустую кровать, пистолетный ствол твердо упирался в затылок; карман халата и то, что в нем лежало, были недосыгаемы, потому что руки приходилось держать на виду: в таких ситуациях Медведь не любил шутить, не признавал полумер и действительно мог, наплевав на возможные последствия, нажать на спусковой крючок при малейшем намеке на сопротивление. – Хватит, Медведь. Игра сделана, ставок больше нет. Ты долго бегал, но, сколь веревочке ни виться... Ты ведь сам понимаешь: теперь, когда мы тебя нашли, снова убежать не удастся.

– А я попробую, – сказал он. – Терять-то все равно нечего!

– Ну, почему же, – возразила она. – Я уполномочена передать, что при разумном поведении ты имеешь все шансы сохранить жизнь. Просто отдай то, что тебе не принадлежит, и можешь спокойно копить небо дальше.

– Пой, ласточка, пой, – недоверчиво ухмыльнулся он. – Кому ты это рассказываешь? И потом, у меня нет ничего, что не принадлежало бы мне по праву. Ничего такого, по крайней мере, на что у тебя было бы больше прав, чем у меня.

– Речь не обо мне, – сказала она.

– Правда? А о ком же?

– Не валяй дурака, ты отлично знаешь ответ. Система! Эта вещь принадлежит ей, и бегать от нее бесполезно.

– Опомнись, старая ты дура! – воззвал Медведь. – Какая Система?! Твоей Системы давным-давно не существует! Банда кретинов... Выдумали дурацкое словечко «Система» и молятся на него, как на чудотворную икону. А оно давно ни черта не означает. Если вообще когда-нибудь означало...

– Ты кого сейчас пытаешься убедить – себя или меня? – иронически поинтересовалась она. – Это в обоих случаях бесполезно. Мы оба знаем, что Система была всегда и всегда будет. Люди и названия меняются, империи проходят, а Система остается. Она – мозг и нервы любого государства, и поэтому ни одно государство не может без нее обойтись. И не было случая, когда одиночка сумел одолеть или хотя бы обмануть Систему, будь он хоть семи пядей во лбу. А у тебя столько не наберется, даже если мерить лоб от бровей до загривка. Думаешь, ты двадцать лет бегал от нас и оставался в живых только потому, что такой умный и ловкий? Не обольщайся! Просто до тебя не доходили руки, да и нужды не было. Теперь нужда появилась, руки дошли, и – вот он ты, вот она я, и никуда ты, голубчик, теперь от нас не денешься.

– Это мы еще поглядим, – тяжело, с присвистом дыша, пообещал Медведь, явно впечатленный этой холодной, полной снисходительного презрения речью. – А ну, вперед! Пошла, пошла. Туда, к кровати. Ишь, чего захотели – отдай! А кто вы такие, чтоб я вам такие подарки делал? Ну, кто?! Да никто, вот кто. Эта штука многими жизнями оплачена. Все они там лежат, ребятушки мои. Из одного котелка хлебали, сто раз под пули вместе ходили... Всех вот этой рукой положил! Думаешь, на тебя она не поднимется? Да легко! Раздавлю, как вошь, и никакая Система тебе, старой шалаве, не поможет. Подушку дай, – потребовал он. – В одном ты права: зачем шуметь, когда можно все сделать тихо?

Женщина наклонилась, чтобы взять подушку, которую ее собеседник, похоже, вознамерился использовать в качестве глушителя. Он был прав, полагая, что обещание оставить его в живых – всего-навсего уловка. Тот, кто бросил вызов Системе, будет физически уничтожен – вот именно, раздавлен, как вошь. Он это превосходно знал, потому и сказал, что терять ему нечего. Женщине, в отличие от него, было что терять, и она не горела желанием стать случайной, бесцельной жертвой этого загнанного в угол, обреченного неудачника. Поэтому, наклонившись вперед, в результате чего затылок наконец перестал ощущать давление приставленного к нему ствола, она погасила фонарик и в мгновение наступившей темноте, резко обернувшись, сильно ударила левым предплечьем по запястью сжимавшей пистолет руки.

Послышавшийся из дальнего угла глухой звук падения на ковер чего-то тяжелого возвестил, что маневр удался. Она прошла отменную боевую подготовку и бог весть сколько курсов переподготовки, такие фокусы всегда отменно ей удавались. Но противник тоже был не лыком шит и дал это понять, мощным ударом сбив ее с ног. Возможно, она сумела бы сгруппироваться и устоять, но край матраса предательски ударил ее под колени, и она упала поперек кровати, ударившись затылком о стену.

Медведь навалился сверху, воняя табачищем и перегаром. Он был тяжелый и сильный, как самый настоящий медведь, и теперь, когда эффект неожиданности был потерян, все преимущества оказались на его стороне. Пружинный матрас затрещал под тяжестью двух отчаянно борющихся тел. Случайный свидетель этой сцены мог бы принять ее за попытку изнасилования, тем более отвратительную, что и насильнику, и его жертве уже давно перевалило за пятьдесят. Но случайных свидетелей тут не было и не могло быть, а значит, не было и головы, в которую могло бы прийти это глупое сравнение. Мужчина и женщина, в молчании барахтавшиеся на кровати, боролись за жизнь, точно зная, что живым отсюда может уйти только один из них.

Почувствовав, как пахнущие табаком, твердые, будто деревянные, пальцы противника подбираются к ее горлу, женщина изо всех сил уперла подбородок в грудь. Одновременно она

попыталась нанести удар ногой в пах, но промахнулась. В следующее мгновение пятерня мужчины, легко преодолев сопротивление и едва не сломав ей при этом челюсть, сомкнулась на шее, мертвой хваткой сдавив гортань.

– Ну вот и все, – прохрипел Медведь. – Потерпи, касатка, это недолго. Твоя правда, шуметь незачем. Мы по-тихому, без пистолета обойдемся.

Женщина отчаянно сопротивлялась, но мужчина был намного сильнее. Чувствуя, что вот-вот потеряет сознание из-за нехватки воздуха, она мертвеющей рукой нащупала карман распахнувшегося халата. Испуг, который она при этом испытала, на мгновение заставил потускнеть даже страх смерти: в кармане было пусто. Ладонь лихорадочно зашарила по смятой, развороченной постели и наконец, когда женщина уже почти смирилась с неизбежным, нащупала среди складок пододеяльника гладкий пластиковый цилиндр толщиной с указательный палец.

– Все, все, не брыкайся, – приговаривал Медведь. – Привет Сис... Ах ты сука! – изумленно воскликнул он, почувствовав, как в напряженные мышцы шеи вонзилась тонкая игла шприца.

6

Было, наверное, около трех часов ночи. Дежурный доктор Васильев мирно посапывал на диване в ординаторской, отвернув к спинке умиротворенное, уже нуждающееся в бритве лицо. Утомленная и одновременно взбудораженная его ласками сиделка Ирочка лежала рядом, положив голову ему на плечо, и сквозь полудрему обдумывала проблему, казавшуюся ей по-настоящему серьезной: как же она утром покажется людям? Макияж-то тю-тю, электричества нет и до утра, скорее всего, не будет, а в темноте, на ощупь, не очень-то наклеишься...

Она вздрогнула, услышав резкий, отрывистый стук, раздавшийся, как показалось, в одной из палат здесь, на втором этаже. Звук был такой, словно уронили что-то твердое, тяжелое, например опрокинули стул. Или свалились во сне с кровати и ударились головой о деревянный пол...

Последняя мысль мигом прогнала подступающий сон. Ирочка была не семи пядей во лбу, но в меру добрая и относилась к пациентам, как мать родная, – в основном потому, что ей за это хорошо платили и всегда существовала реальная возможность получить солидные чаевые. В такой меркантильности не было ничего зазорного: профессия – это то, что тебя кормит, а не то, что ты делаешь через силу, из принципа и во имя каких-то бестелесных, хотя и высоких идеалов. И, если ты работаешь хорошо, отдача должна быть соответствующая. Иначе – какой смысл?..

Включившееся воображение немедленно принялось рисовать картины, одна страшнее другой: рассеченный лоб или, хуже того, висок, темнота, паника, кровь, агония, смерть... И все это – в ее, Ирочкино, дежурство! Почти наверняка все было далеко не так страшно. Просто кто-то из пациентов проснулся – скажем, по малой нужде, – пощелкал выключателем ночника, обнаружил, что света нет, и, бредя в потемках через комнату в направлении санузла, ненароком опрокинул стул. Скорее всего, именно так и было. А что, если нет?

Осторожно, чтобы не потревожить сон доктора Васильева, Ирочка выскользнула из его объятий, бесшумно поднялась и, на ходу оправляя халатик, на цыпочках двинулась к выходу. Ординаторская была слабо освещена мигающим, готовым вот-вот угаснуть синеватым огоньком спиртовки. Прихватив со стола мобильный телефон и включив подсветку, сиделка вышла в коридор.

Здесь, на втором этаже, сейчас находилось всего два пациента – в восьмом и двенадцатом номерах. Из восьмого, как и раньше, доносился похожий на рокот мощного дизельного мотора храп звезды российского кинематографа, служивший верным признаком того, что звезда в

полном порядке – разумеется, настолько, насколько вообще может быть в порядке немолодой мужчина, который всю жизнь жег свечу с двух концов, предаваясь всевозможным порокам и излишествам. Бесшумно ступая по ковровой дорожке обутыми в мягкие тапочки на резиновой подошве ногами, Ирочка подошла к двери двенадцатого номера и прислушалась.

Внутри происходила какая-то непонятная возня. За дверью слышались шорохи, шаги, тихие скрипы и постукивания, словно обитатель палаты искал в потемках оброненную монету или затеял посреди ночи генеральную уборку. Точно зная, что живущий в двенадцатом номере психопат не жалуется медицинский персонал, а женщин вообще не переносит, Ирочка тем не менее сочла своим долгом постучать в дверь.

В палате мгновенно воцарилась мертвая тишина. Сиделка снова постучала и негромко спросила:

– Простите, с вами все в порядке?

При этом она попыталась открыть дверь, но та была заперта. Снова постучав, Ирочка приблизила ухо к дверному полотну и испуганно отпрянула, когда изнутри в дверь запустили чем-то стеклянным – не то стаканом, не то чашкой. Ударившись о филенку, этот предмет с треском разлетелся вдребезги. Намек был более чем понятен: пациент хотел, чтобы его оставили в покое. Ирочка подумала, не разбудить ли Олега Борисовича (а вдруг это приступ буйства, во время которого больной может себе навредить?), но из палаты послышался характерный скрип пружинного матраса, за которым последовал длинный, протяжный зевок.

Немного подумав, Ирочка решила, что для нее самой в данной ситуации лучше всего успокоиться и считать, что и тут все в порядке. Связываться с чокнутым женоненавистником из двенадцатой палаты не хотелось, тем более что он явно пребывал в добром здравии – хотя, как обычно, далеко не в самом добром расположении духа. И пусть его, а то, того и гляди, всех больных перебудит. Тут все с нервами, все за большие деньги, и каждый за неурочную ночную побудку может закатить такой скандал, что о-го-го. Ну его, словом. Мало ли что могло примерещиться психически неуравновешенному человеку спросонья, в темноте! Скорее всего, он шарил по комнате в поисках таблеток снотворного – не мог найти, раздражился, а потом нашел, принял и лег. Стоит ли из-за этого мелкого происшествия, которое, если подумать, и происшествием-то не назовешь, беспокоить доктора? Еще немного постояв под дверью и больше ничего не услышав, Ирочка вернулась в ординаторскую.

Вскоре, а именно в половине четвертого, в сторожке прозвенел будильник. Сонно ворча, охранник Николай Зубов сунул ноги в стоящие наготове валенки, натянул бушлат, шапку и рукавицы, сунул в зубы сигарету, чтобы взбодриться, и, позевывая, отправился в обход. Выйдя на крыльцо, он по привычке бросил взгляд на окна второго этажа главного корпуса и слегка удивился, заметив мелькнувший в третьем от угла окне тонкий луч света – не синего, как от сигнального фонарика Шмяка, а белого. В такой перемене Николай не усмотрел ничего странного и удивительного: эти светодиодные штуковины стоят копейки, и предприимчивые китайцы приноровились встраивать их во все подряд – в мобильные телефоны, зажигалки, шариковые ручки, брелоки для ключей и бог знает во что еще. Зачастую человек приобретает их мимоходом, попутно, сам того не желая: кончился газ в зажигалке, купил новую, а она с фонариком... В общем, цвет луча – ерунда на постном масле. Удивительно было другое: с чего это Шмяку не спится в такой поздний час? Гляди ты, и коньяк его не берет...

Закончив обход, он снова, уже нарочно, посмотрел на окно Шмяка и опять заметил скользнувший по стеклу тонкий белый луч. Николай выбросил окурочек в сугроб и пожал плечами: «Что за народ! Теплая комната, мягкая постель, все удобства, вплоть до хорошей выпивки и дорогих сигарет, – живи да радуйся! Никаких обязанностей, одни сплошные права, и в первую очередь самое сладкое из всех конституционных прав российского гражданина – право на отдых. Нет, ему обязательно надо колобродить в четвертом часу утра, когда все нор-

мальные люди десятый сон видят!» Сочувственно вздохнув: «Старость не радость», охранник смел снег с валенок стоящим у двери веником и, сладко позевывая, отправился досыпать.

Глава IV. Конверт Шмяка

1

Наутро Шмяка нашли мертвым.

Эту неприятную находку сделал, разумеется, Женька Соколкин – единственный человек во всем пансионате, не считая разве что главврача Семена Тихоновича, имевший более или менее свободный доступ в палату номер двенадцать.

Когда над лесом забрезжил серенький февральский рассвет, электричество еще не дали. Снега за ночь навалило столько, что мать категорически запретила Женьке даже думать о том, чтобы идти в школу. Даже не попытавшись притвориться, что огорчен этим запретом, Евгений свет Иванович наскоро позавтракал, натянул куртку и весело отбыл по своим утренним делам. Коль скоро он остался на территории пансионата, в число этих дел следовало автоматически включить доставку завтрака Шмяку и приборку в его комнате – а значит, и очередную беседу. Со временем, попривыкнув, Женька начал находить эти беседы довольно занимательными, а рассказы Шмяка – не такими завиральными, как казалось поначалу. Мужик он был явно непростой, с богатой биографией, и тут, в пансионате, как начал понимать Женька, вовсе не лечился, а от кого-то прятался.

На условный стук Шмяк не откликнулся. За дверью царил мертвая, ничем не нарушаемая тишина. Женька постучал снова, на этот раз сильнее, и выглянувшая из ординаторской сиделка Ирочка посоветовала:

– Стучи-стучи, а то так он до обеда проспит. Полночи копошился, как мышь за плинтусом, его теперь из пушки не разбудишь.

Женька барабанил в дверь до тех пор, пока толстяк из восьмой палаты, известный кинорежиссер, решивший навсегда распрощаться с кокаином – или, как он сам его называл, «первым номером», – высунувшись в коридор, не воззвал рыдающим голосом:

– Да что же это такое?! Ни днем, ни ночью покоя нет! Молодой человек, прекратите хулиганить!

– Между прочим, законное требование, – заметил доктор Васильев, выглянув из ординаторской. Его дежурство уже закончилось, но до тех пор, пока снегоуборочная техника не справится с заносами на лесной дороге, он поневоле оставался здесь за главного. – Этак ты, брат, скоро дверь выломаешь. Дуй-ка ты к сестре-хозяйке за отмычкой. А вдруг, пока ты тут дятла изображаешь, он там ласты клеит?

Слегка напуганный не столько этим маловероятным предположением, сколько перспективой вторгнуться во владения Шмяка без его разрешения, Женька поставил поднос на подоконник в конце коридора и спустился на первый этаж. Сестра-хозяйка еще не появилась. Женька совсем уже было собрался бежать за ней во флигель, когда заметил на полу под дверью бельевой кладовой тусклый блеск металла. Приглядевшись, он обнаружил, что это та самая универсальная отмычка, за которой его послал Олег Борисович. Видимо, сестра-хозяйка обронила ее вчера вечером, когда меняла белье парализованной тетке из четвертой палаты – как ее там, Веселова, что ли...

Решив, что распространяться об этом маленьком происшествии не стоит, а стоит, наоборот, при случае тихонько вернуть сестре-хозяйке отмычку, Женька поднял ее с пола и, зажав в кулаке, помчался наверх.

Дверь восьмой палаты была приоткрыта, изнутри доносились голоса: Олег Борисович расспрашивал режиссера о самочувствии, а тот плаксиво жаловался на бессонницу. Сиделка Ирочка, выйдя из палаты с подносом, на котором стоял пустой пластиковый стаканчик из-под

таблеток и лежал использованный одноразовый шприц, подмигнула Женьке и, косясь на дверь, вполголоса сказала:

– Слышал? Бессонница у него! Всю ночь храпел, как иерихонская труба, я думала, стены рухнут, а теперь у него бессонница! Ключ-то принес?

Женька кивнул, стараясь не слишком заметно пялиться: Ирочка была девушка в высшей степени призывная, прелестей своих не стеснялась, и при виде ее в крови Женьки Соколкина всякий раз начинал неодолимо бушевать гормон.

– Иди открывай, – сказала Ирочка, – а то это, – она кивнула на приоткрытую дверь восьмой палаты, – похоже, надолго.

Вернувшись к палате Шмяка, Женька снова простучал условный сигнал – два тире, три точки, – искренне надеясь, что на этот раз Шмяк откликнется. За дверью по-прежнему было тихо, и, мысленно готовясь к неизбежному скандалу, Женька Соколкин вставил в замочную скважину отмычку.

– Борис Григорьевич, вы где? – окликнул он, просунув голову в щель приоткрытой двери. – Это я, Женька! Пароль: «Стрела», отзыв: «Царевна-лягу...»

Женька умолк на полуслове, когда то, что видели глаза, наконец проникло в мозг. Держа перед собой поднос с завтраком, он легонько толкнул дверь ногой и переступил порог.

Стенной шкаф в маленькой прихожей был открыт настежь, вся хранившаяся в нем одежда вперемешку с обувью валялась на полу. Сверху лежала буквально вывернутая наизнанку дорожная сумка, с которой Шмяк прибыл в пансионат, и все это было присыпано осколками разбитого стакана. Хрустя стеклом, Женька на цыпочках прошел в комнату и замер, едва не уронив поднос.

В комнате царил тот же хаос, что и в прихожей. Ковер был свернут и отодвинут к стене, на полу в полнейшем беспорядке валялись вещи и постельное белье. Перья из распоротой подушки разлетелись по всей комнате, как будто окно всю ночь стояло открытым и в помещение намело снега. Сброшенный с кровати матрас тоже был распорот по всей длине, из разреза во все стороны торчали пружины и клочья синтетической набивки. Одна бутылка коньяка, полная и запечатанная, откатилась к батарее парового отопления; другая, полупустая, стояла на телевизоре, и на ее узком горлышке тоже белело прилипшее перо. Знакомая фляжка поблескивала на столе, с которого была сдернута скатерть, весь пол был усеян рассыпанными сигаретами и разодранными, словно в приступе бешенства, выпотрошенными пачками. У стены, что напротив кровати, Женька с легким содроганием заметил пистолет – возможно, газовый или травматический, а может быть, просто выполненную в виде пистолета зажигалку.

А на полу рядом с отодвинутой от стены кроватью лежал Шмяк. Он лежал на животе, повернув к двери серое лицо с закрытыми глазами и неестественно вывернув левую руку. Под ним, вокруг него и даже на нем было полно перьев, но ни одно перышко из тех, что лежали вблизи его лица, не шелохнулось, из чего следовало, что Шмяк, мягко говоря, не дышит.

Плохо соображая, что делает, и смутно догадываясь, что делает что-то не то, Женька помертвевшими руками поставил на край стола поднос, подошел к Шмяку и, наклонившись, коснулся его запястья. Он тут же испуганно отдернул руку: кожа Шмяка показалась ему холодной как лед, и ощущение от нее было, как от прикосновения к чему-то неживому – не к камню или дереву, а к чему-то, что недавно было живым, а потом перестало. Словом, если отбросить иносказания, это было ощущение прикосновения к труп, каковым, судя по всему, Шмяк и являлся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.